

1901

721

ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ.

Главный и лучший источникъ для исторіи Персидскихъ войнъ есть Геродотъ (кн. V — IX). Впрочемъ не всѣ извѣстія, сообщаемыя имъ, имѣютъ одинаковую цѣну. Если разказы его о битвахъ Саламинской, Платейской и слѣдующихъ затѣмъ событіяхъ въ значительной степени удовлетворяютъ нашей любознательности, то къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о первомъ отдѣлѣ Персидскихъ войнъ, то-есть, о походѣ полководцевъ Дарія. Вотъ почему даже насчетъ Марафонскаго сраженія ученые сильно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ, какъ можно видѣть, на примѣръ, изъ послѣдняго розысканія объ этомъ предметѣ Виктора Кампе (Campe, De pugna Marathonica, Gryphiswaldiae, 1867). Да и неудивительно, что Геродоту не удалось представить намъ ясную картину первыхъ событій изъ эпохи Персидскихъ войнъ. Общій уровень потребности исторической истины у Грековъ его времени былъ еще очень низокъ. Самосознаніе, возбужденное борьбою за независимость, только-что начало развивать историческое направленіе ¹⁾.

Въ этой борьбѣ, по представленію большинства Грековъ, ихъ боги и герои принимали непосредственное, живое участіе и творили чудеса. Аѣинскій гонецъ Фидиппидъ, посланный въ Спарту съ просьбой о помощи, по возвращеніи, разказывалъ, что на пути между Аргосомъ и Тегеей, близъ горы Пароенія, явился ему богъ Панъ, называлъ его по имени, и остановивъ, велѣлъ спросить Аѣинянъ, почему они не поклоняются ему, тогда какъ онъ всегда былъ въ нимъ милостивъ, дѣлалъ имъ прежде много добра и впредь не оставитъ ихъ кровительство. Аѣиняне повѣрили разказу Фидиппида, и Марафонской побѣды, думали, что Панъ исполнилъ свое обещаніе, и благодарность за это ему была посвящена жертва.

¹⁾ Ср. Историко-филологическія изслѣдованія проф. Д. М. Покровскаго.

въ Акрополь, и въ честь его были установлены ежегодныя жертвы и процессія съ факелами. Мильтіадъ же выразилъ свою признательность Пану сооруженіемъ статуи съ слѣдующею надписью, сочиненною по-этомъ Симонидомъ: „Меня, козлоногаго Пана, Аркадца, противника Мидянъ, союзника Аѳинянъ, поставилъ Мильтіадъ“.

Өезей, древній народный герой Аѳинъ, также помогалъ въ битвѣ своему народу. Другіе утверждали, что видѣли поселяннина, который безъ всякаго оружія, рукояткою плуга умертвилъ многихъ непріятелей и послѣ сраженія вдругъ исчезъ. Оказалось, что это былъ герой Эхетль.

При такомъ смѣшеніи дѣйствительности съ вымысломъ, когда въ самое короткое время событія дѣлались достояніемъ народныхъ сказаній, историку не легко было доискаться голыхъ положительныхъ фактовъ, даже близкаго прошедшаго. Если же, не смотря на это, старанія Геродота не остались безъ успѣха, то заслуга его неоцѣнима.

Дополненіемъ къ Геродоту могутъ служить позднѣйшіе писатели: Діодоръ Сицилійскій (отрывки X-й книги и XI-я книга), Корнелій Непотъ ¹⁾, Павзаній, Юстинъ (книга II-я) и Плутархъ ²⁾; но извѣстія, сообщаемыя этими писателями, нерѣдко исполнены риторическихъ эффектовъ, преувеличеній и даже вымысловъ, которые объясняются политическими и нравственными цѣлями авторовъ, а потому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они противорѣчатъ Геродоту, новѣйшіе изслѣдователи не колеблются, за весьма немногими исключеніями, отдавать предпочтеніе послѣднему. Лучшій и древнѣйшій послѣ Геродота историкъ Өукидидъ почти не касается событій Персидскихъ войнъ, упоминая лишь мимоходомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ ³⁾; тѣмъ не менѣе разказъ его (кн. I-я 90—95 и 128—138) о послѣднихъ годахъ жизни двухъ главныхъ дѣятелей этихъ войнъ, Өемистоклѣ и Павзаніѣ, съ превосходною характеристикой перваго, составляетъ весьма цѣнный историческій матеріалъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о фактахъ изъ разсматриваемой нами эпохи, приводимыхъ Платономъ (въ Горгіѣ,

Корнелію Непоту въ его жизнеописаніяхъ Мильтіада, Өемистокла, Ари-
стидомъ главнымъ источникомъ служилъ, повидимому, Өфоръ.

Онъ описываетъ дѣянія нѣкоторыхъ тѣхъ же государственныхъ мужей, а также въ сочи-
неніи „о законахъ“, „о славіи Аѳинянъ“, „о болтовнѣ“ и „о злона-

При этомъ нельзя не замѣтить, что послѣднему сочиненію
большую частію несправедливыя выходки автора про-

геса о числѣ кораблей, выставленныхъ Греками при
взятіи Сеста, IV, 109—о прорытіи Аѳонскаго канала.

Менексенъ и Трактатъ о законахъ), которые, какъ и всѣ историческія извѣстія этого философа, страдаютъ недостаткомъ критики, а подъ часъ и политическою тенденціозностію, именно желаніемъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ Аѣнинскій демось ¹⁾. Въ заключение слѣдуетъ упомянуть о дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ Персидской исторіи Ктезія, которые, впрочемъ, немного прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ изъ Геродота, да и это немногое большею частію сомнительнаго достоинства ²⁾.

До борьбы съ Персами Греція является раздѣленною на множество небольшихъ государствъ, которыя, не смотря на нѣкоторыя общія черты эллинизма, были соединены между собою весьма слабыми узами, и изъ которыхъ каждое слѣдовало политикѣ, сообразной съ его частными интересами. Оттого, въ продолженіе семи почти вѣковъ, протекавшихъ со времени Троянской войны, исторія Греціи, можно сказать, совершенно лишена собирательнаго характера. Но начиная съ пятаго столѣтія, прежнее положеніе дѣлъ измѣняется. Опасность, грозившая въ это время независимости Эллады извнѣ, выдвинула народы ея изъ тѣсной колеи прежней жизни и произвела временное соединеніе силъ, если не всѣхъ отдѣльныхъ частей греческаго міра, то по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ представителей его, сопровождавшееся героическимъ воодушевленіемъ, которое явило міру истинно великія дѣла и обогатило исторію человѣчества блистательнымъ сонмомъ гениальныхъ мужей. Благодаря Персидскимъ войнамъ, Греція является во всѣхъ отношеніяхъ великою историческою націей. Но съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что эти самыя войны отчасти имѣли вредное вліяніе на судьбу ея, ибо онѣ возбудили и безъ того сильныя страсти греческаго народа, не имѣвшаго довольно твердой воли для удержанія ихъ въ границахъ умѣренности, и дали новую обильную пищу прежнимъ распрямъ, которыя принимаютъ характеръ страшныхъ между-

¹⁾ Къ этой категоріи относится извѣстіе (Gorgias), что Аѣнинскіе послы, послѣ удачнаго исхода Паросской экспедиціи, опредѣлили бросить Мидіада въ море, то-есть, въ яму, назначенную для преступниковъ, обвиненныхъ въ преступленіи, и что только благодаря твердости притана (ионоутида, и послѣ Мидіада) этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

²⁾ Такъ, напримѣръ, Ктезій (XVIII) говоритъ, что Маравонъ находился самъ Датисъ, о чемъ, конечно, Геродотъ, если бы это дѣйствительно было такъ, и что для погребенія былъ одною изъ причинъ похода Ксеркса на Грецію. Мидіада, стр. 77—78.

усобій, мало по малу истощившихъ Грецію и сдѣлавшихъ ее легкою добычею македонскаго честолюбца. Притомъ же знакомство съ богатствами и роскошью востока привило многія темныя стороны къ характеру Грековъ, дотолѣ безкорыстно преданныхъ своему отечеству, и невозвратно лишило греческую жизнь той благородной простоты, которая отличала современниковъ Лиеурга и Солона.

При первыхъ двухъ государяхъ изъ дома Ахеменидовъ, Персы сдѣлались обладателями всей передней Азіи и Египта. Но, не довольствуясь завоеваніями на востокѣ, они хотѣли господствовать и въ Европѣ. Преемникъ Камбиза Дарій Гистаспъ помышлялъ о томъ съ самаго вступленія своего на престолъ, и уже въ 514 году отправилъ экспедицію, подъ руководствомъ своего главнаго врача Демокеда, для осмотра береговъ Греціи и Южной Италіи, двухъ странъ, въ особенности привлекавшихъ его вниманіе. Тогдашнее положеніе греческаго міра, раздѣленнаго на двѣ партіи — аристократическую и демократическую, постоянно враждовавшія между собою, какъ нельзя болѣе благопріятствовало честолюбивымъ замысламъ персидскаго правительства. Успѣхи демократовъ на сѣверѣ Греціи навели ужасъ на ихъ противниковъ, которые, потерявъ надежду достигнуть цѣли съ помощію Спарты, рѣшились искать защиты у Персовъ, а Дарій, съ своей стороны, находя сближеніе съ греческими предателями для себя полезнымъ, благосклонно принималъ ихъ въ своемъ царствѣ и оказывалъ имъ всякаго рода покровительство. Между обѣими сторонами господствовало самое искреннее согласіе, основанное на взаимныхъ выгодахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, столкновеніе между востокомъ и западомъ было неизбѣжно, а вскорѣ представился и поводъ къ разрыву, послѣ того, какъ Аѳиняне, негодуя на Артаферна за участіе, принятое имъ въ дѣлѣ Гиппія, рѣшились подать помощь малоазіатскимъ Грекамъ, возмущившимся противъ персидскаго правительства. Случайный характеръ этого возстанія напоминаетъ исторію Крестовыхъ походовъ, Тридцатилѣтней войны и другихъ великихъ событій, которыя, по всей ихъ необходимости въ общемъ ходѣ историческаго развитія, были обусловлены внѣшними причинами.

Сдѣлавъ моста на Истрѣ Гистіей, тиранъ Милета, оказалъ ему средство спастись съ остатками своего войска. Минимумъ гибель, если бы предложеніе не было принято, нашедшее ревностнаго защитника въ Милетѣ, не имѣло бы исполненія. Хотя онъ сдѣлалъ это не по расчету, а изъ эгоистическихъ разчетовъ (ибо сдѣлать

хорошо понималъ, что греческіе малоазіатскіе города, свергнувъ персидское иго, захотятъ освободиться отъ власти тиранновъ), но тѣмъ не менѣ Дарій остался весьма признательнымъ Гистіею, и по собственному его выбору, позволилъ ему построить и укрѣпить городъ близъ устья Стримона въ странѣ, которая съ богатствомъ естественныхъ произведеній соединяла положеніе чрезвычайно выгодное для торговли. Быстрые успѣхи новой колоніи возбудили зависть персидскаго вельможи Мегабаза, и онъ уговорилъ Дарія призвать Гистіея ко двору подъ благовиднымъ предлогомъ и удержать его при себѣ въ качествѣ вѣрнаго совѣтника и друга. Гистіей, хотя и неохотно, долженъ былъ разстаться съ любимымъ своимъ владѣніемъ, и въ правители Милета назначенъ былъ зять его Аристархъ.

Въ это время возникли несогласія на островѣ Наксосѣ между партіями аристократическою и демократическою, возбудившія междуусобную войну, окончившуюся изгнаніемъ аристократовъ. Изгнанники обратились къ Аристагору, какъ человѣку, пользовавшемуся довѣріемъ персидскаго правительства, и по ходатайству его, получили флотъ для завоеванія острова. Персы надѣялись, что подчинивъ своей власти Наксосъ, будутъ господствовать надъ всѣмъ Архипелагомъ; но предположенія ихъ не исполнились, ибо походъ окончился неудачно по причинѣ ссоры начальника персидскаго флота Мегабатта съ Аристагоромъ. Положеніе послѣдняго было весьма затруднительно. и онъ, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за несчастный исходъ кампаніи, предпринятой по его совѣту, не видѣлъ другаго средства отклонить угрожающую ему бѣду, какъ произвести возмущеніе, къ чему подстрекалъ его и Гистіей, тяготившійся пребываніемъ при персидскомъ дворѣ, въ той надеждѣ, что онъ посланъ будетъ Даріемъ для усмиренія Іоніи. Аристагоръ началъ съ того, что сложилъ съ себя званіе таранна и ввелъ въ Милетѣ демократію (504 г.). Большая часть греческихъ городовъ въ Малой Азіи и на островахъ послѣдовали этому соблазнительному примѣру, и тѣ изъ правителей, которые не хотѣли добровольно отказаться отъ власти, подверглись изгнанію, а нѣкоторые даже и жизнию¹⁾.

*) Въ Учебникъ всеобщей исторіи г. С. С. Уварова, который, впрочемъ, не особенно хорошо известенъ, намъ излагается слѣдующимъ образомъ: «... Гастіей, тайно сообщивъ о замышляемомъ переворотѣ Персидскаго царя, былъ вынужденъ бежать въ Грецію. Аристагоръ, зять и преемникъ Гастіи, возмущенный этимъ, поднялъ въ Персіи восстаніе противъ Персоя и увлекъ за собою многихъ изъ персидскихъ вѣрноподанныхъ...»

Затѣявъ опасное дѣло и очень хорошо понимая, что одни мало-азіатскіе Греки не въ состояніи бороться съ Персами, Аристагоръ отправился въ Грецію просить помощи. Сначала онъ обратился въ Спарту, гдѣ представленія его не имѣли успѣха, но Аѣиняне, озлобленные противъ Артаферна за покровительство, оказанное имъ Гиппю, рѣшились поддержать своихъ малоазіатскихъ соплеменниковъ и послали на помощь имъ эскадру изъ 20 кораблей, къ которымъ присоединились 5 Еретрійскихъ въ воздаяніе услуги, оказанной нѣкогда Милетомъ Еретрійцамъ въ войнѣ ихъ съ Халкидою. Союзники, неожиданно явившись предъ Сардами, разграбили и выжгли значительную часть этого города, но прежде чѣмъ успѣли отойти назадъ къ своимъ кораблямъ, были настигнуты персидскимъ войскомъ и въ окрестностяхъ Эфеса потерпѣли поражение, послѣ чего Аѣиняне и Еретрійцы поспѣшили отплыть обратно въ отечество и не принимали болѣе никакого участія въ дѣлѣ Іонянъ, на которыхъ однихъ такимъ образомъ обрушилось все бремя войны.

При всемъ томъ Персамъ не легко было подавить возстаніе, ибо примѣру Іонянъ послѣдовали Кипръ и Карія, и притомъ инсургенты овладѣли важнымъ по своему положенію пунктомъ Византіею, а Мильтіадъ изгналъ изъ Лемноса персидскій гарнизонъ и присоединилъ этотъ островъ къ Аѣинской республикѣ. Большимъ счастіемъ для Персовъ было то, что союзники дѣйствовали не по одному общему

азіатскихъ Грековъ». Послѣ сказаннаго въ текстѣ считаю излишнимъ доказывать неудовлетворительность этого мѣста и предлагаю редакцію его измѣнить такъ: Сохраненіемъ моста на Истрѣ (Дунавѣ) Гистіей, тираннъ Милета, оказалъ важную услугу Дарію Гистаспу, давъ ему возможность спастись съ остатками своего войска. Хотя онъ сдѣлалъ это по эгоистическимъ разчетамъ, ибо очень хорошо зналъ, что греческіе малоазіатскіе города, свергнувъ персидское иго, не захотятъ имѣть у себя тиранновъ,—тѣмъ не менѣе Дарій остался признательнымъ Гистіею, и по собственному его выбору, позволилъ ему построить и укрѣпить городъ близъ устья Стримона (нынѣ Искаръ), въ странѣ, съ богатствомъ и произведеній соединявшей положеніе чрезвычайно выгодное для новой колоніи возбудили зависть персидскаго вельможи. Дарій призвалъ Гистіея ко двору подъ благовиднымъ предлогомъ въ качествѣ царскаго совѣтника и друга. Гистіей, пользовавшійся любовью своимъ владѣніемъ, и въ персидскомъ дворѣ назначенъ былъ зять его Аристагоръ, который, будучи своимъ тестемъ и опасаясь подвергнуться отъ него ответственности за несчастіе, постигшее экспедицію противъ Наксоса, предпринялъ противъ Персовъ и увлекъ за собою

плану. Полководцы Дарія воспользовались этимъ и успѣли покорить одинъ за другимъ большую часть возмущившихся городовъ. Впрочемъ, Ионяне, имѣя значительный флотъ, хотя и уступавшій персидскому по числу кораблей, при своей опытности въ морской войнѣ, могли бы вознаградить себя за потери, понесенныя ими на сушѣ; но незнакомство ихъ съ дисциплиной и измѣна Самосцевъ, въ рѣшительную минуту отставшихъ отъ общаго дѣла, были причиною, что морское сраженіе при островѣ Ладѣ окончилось несчастно для союзниковъ; послѣ того Милетъ былъ взятъ приступомъ и подвергся страшному опустошенію, а жители его, избѣгшіе смерти, переселены были на берега Тигра. Аристагоръ, еще до взятія Милета, отчаявшись въ успѣхѣ, бѣжалъ въ Миркинскій городъ, основанный Гистіею близъ устья Стримона, и вскорѣ погибъ въ одномъ сраженіи съ Фракійцами, а другой виновникъ возстанія, Гистіей, умѣлъ такъ искусно разыгрывать роль вѣрноподданнаго, что получилъ отъ Дарія позволеніе отправиться на родину для восстановленія спокойствія въ Іоніи. На дорогѣ онъ узналъ однако, что козни его извѣстны были сатрапу Малой Азіи Артаферну. Тогда этотъ низкій честолюбецъ, потерявшій довѣріе Персовъ и своихъ соотечественниковъ, не устыдился набрать шайку пиратовъ, съ которою грабилъ купеческіе корабли въ окрестностяхъ Византіи, пока не попалъ въ руки Персовъ, препроводившихъ его въ Сарды къ Артаферну, и послѣдній посмѣшился казнить своего плѣнника, изъ опасенія, чтобы онъ не былъ помилованъ Даріемъ.

Поданіемъ помощи инсургентамъ, Аоніяне и Еретрійцы навлекли на себя гнѣвъ Персидскаго царя. При первомъ извѣстіи о вторженіи горсти иноземцевъ въ предѣлы его царства, Дарій торжественно поклялся наказать дерзкихъ республиканцевъ и приступилъ къ исполненію задушевной мысли своей немедленно по усмирении Малой Азіи, съ которою поступлено было весьма строго, хотя впрочемъ греческіе малоазіатскіе города, благодаря чрезвычайно выгодному положенію, отчасти заботливости персидскаго правительства, быстро оправившись отъ понесенныхъ ими потерь, получивъ выѣздъ съ республиканскими формами новую болѣе уравнительную систему налоговъ, основанную на кадастрѣ. Многочисленное персидское войско, по повелѣнію Мардонія, получило приказаніе двинуться въ Малую Азію по повелѣнію Дарія. Приказанія Аоніяне и Еретрійцевъ; но по пути въ Малую Азію персидскій флотъ близъ Аонскаго мыса, въ виду бурей, а сухопутное войско при переходѣ чрезъ горы, въ виду сильнаго дождя, отъ нападений Вритійцевъ, такъ что

нымъ пріостановить дальнѣйшее движеніе и возвратился въ Азію. Впрочемъ, эта неудача не остановила Дарія, а только раздражила болѣе его самолюбіе. Продолжая дѣятельно заниматься новыми приготовлениями къ войнѣ, онъ въ то же время обратился къ дипломатіи и предпринялъ весьма замѣчательную по своимъ послѣдствіямъ мѣру, которая должна была возбудить междоусобія въ Греціи и открыто выказать ему силы какъ враговъ его, такъ и приверженцевъ, а именно отправилъ въ греческія государства пословъ съ приказаніемъ требовать его именемъ воды и земли, то-есть, подданства, выражавшагося этимъ символическимъ дѣйствіемъ. За исключеніемъ Аѳинянъ и Спартанцевъ, которые съ негодованіемъ отвергли требованіе и даже, вопреки народному праву, умертвили персидскихъ вѣстниковъ, посольство Дарія повсюду, гдѣ только являлось, имѣло успѣхъ, особенно на островахъ. Въ числѣ послѣднихъ находилась и Эгина. Аѳиняне воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы выставить жителей ея предъ Спартой измѣнниками и принудить ихъ къ выдачѣ заложниковъ, которые и были отосланы въ Аѳины. Послѣ тщетной попытки выручить своихъ согражданъ, Эгинцы, пользуясь кончиною своего недоброжелателя, Спартанскаго царя Клеомена, открыли противъ Аѳинянъ непріязненные дѣйствія. Война эта, о которой до насъ дошло весьма мало свѣдѣній, и которая развивалась съ переменнымъ счастьемъ, замѣчательна тѣмъ, что послужила поводомъ къ предложенію, существенно способствовавшему возвышенію Аѳинскаго государства.Themistocle, сынъ Неокла, молодой человѣкъ, одаренный геніальными способностями, ссылаясь на невозможность нанести рѣшительный ударъ Эгинцѣ съ небольшими морскими силами, уговорилъ Аѳинянъ, чтобы добыча отъ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ, которая дотошъ была раздѣляема между гражданами, впредъ употреблялась на увеличеніе флота. Благодаря этой патріотической мѣрѣ, Аѳиняне во время дѣйствія Ксеркса имѣли 200 военныхъ кораблей. Около того же времени по совѣту Themistocle, было приступлено къ заложению обширной пристани, а между тѣмъ судьба послала Аѳинянамъ, въ величайшей опасности, надежнаго защитника въ лицѣ Персея, который, избѣгая мщенія Персовъ, нашелся вынужденнымъ жество въ Херсонесѣ Эракійскомъ.

Судьба новаго похода въ Грецію, Дарій ввѣ-
 стъ Мардонію, который не оправдалъ его
 возмѣ Датису и племяннику своему Арта-
 нѣ. На основаніи инструкцій, получен-

ныхъ отъ царя, персидскіе вожди должны были: попервыхъ, привести къ повиновенію города, не изъявившіе еще покорности, а восторыхъ, наказать Аѣнны и Еретрію за участіе въ Іонійскомъ возстаніи разрушеніемъ этихъ городовъ и обреченіемъ на рабство ихъ жителей. При персидскомъ войскѣ находился и бывший Аѣнскій тиранъ Гиппій, котораго опытность и связи обѣщали успѣхъ предпріятію, и который, въ случаѣ счастливаго окончанія похода, могъ надѣяться возвратить себѣ власть въ Аѣннахъ. Сборнымъ мѣстомъ для выступленія въ походъ была назначена Аліійская равнина, лежавшая въ Киликіи, близъ моря. Отсюда сухопутное ополченіе, пересѣвъ на суда, поплыло къ Самосу, а потомъ по Икарскому морю направло путь къ Кикладамъ. Прежде всего Персы открыли непріязненные дѣйствія противъ Наксоса, оставленнаго разбѣжавшимися жителями, и разрушили этотъ городъ, въ отищеніе за неудачу, понесенную нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при осадѣ его, персидскимъ флотомъ подъ начальствомъ Аристагора и Мегабатта. Прочіе Киклады, хотя избѣжали разоренія, но должны были дать заложниковъ и принять участіе въ походѣ, за исключеніемъ одного Делоса, съ жителями котораго Датисъ обошелся весьма милостиво и принесъ богатую жертву Делосскимъ богамъ, безъ сомнѣнія, изъ политическихъ видовъ, ибо какъ родина Аполлона и Діаны, Делосъ пользовался особеннымъ уваженіемъ Іонянъ, составлявшихъ значительную часть персидскаго флота ¹⁾. Наконецъ, Персы сдѣлали высадку въ Эвбеѣ, и подавивъ силою сопротивленіе, оказанное имъ жителями Каристы (на южной оконечности острова), явились предъ Еретріей, которой наказаніе составляло одну изъ главныхъ цѣлей похода, и которая послѣ геройской защиты, въ седьмой день осады, была предана измѣнниками персидскимъ военачальникамъ, въ точности исполнившимъ приказаніе Дарія относительно несчастнаго города.

Отдохнувъ на развалинахъ Еретри и оставивъ плѣнныхъ иудей на островѣ Эгилін, Датисъ и Артафернъ поплыли вѣансы. Но вмѣсто того, чтобъ обоимъ Сунійскій мысъ, идти моремъ въ Аѳины, они, по совѣту Гиппійа, высадились при Марафонскѣмъ бѣлѣ.

*) Многие ученые (например, Дельбюкк, К. В. Яковлев, Г. В. Яковлев, Г. В. Яковлев) объясняют поведение Персоя в ¹⁸⁵ ~~своем~~ ¹⁸⁶ ~~своем~~ ¹⁸⁷ ~~своем~~ ¹⁸⁸ ~~своем~~ ¹⁸⁹ ~~своем~~ ¹⁹⁰ ~~своем~~ ¹⁹¹ ~~своем~~ ¹⁹² ~~своем~~ ¹⁹³ ~~своем~~ ¹⁹⁴ ~~своем~~ ¹⁹⁵ ~~своем~~ ¹⁹⁶ ~~своем~~ ¹⁹⁷ ~~своем~~ ¹⁹⁸ ~~своем~~ ¹⁹⁹ ~~своем~~ ²⁰⁰ ~~своем~~ ²⁰¹ ~~своем~~ ²⁰² ~~своем~~ ²⁰³ ~~своем~~ ²⁰⁴ ~~своем~~ ²⁰⁵ ~~своем~~ ²⁰⁶ ~~своем~~ ²⁰⁷ ~~своем~~ ²⁰⁸ ~~своем~~ ²⁰⁹ ~~своем~~ ²¹⁰ ~~своем~~ ²¹¹ ~~своем~~ ²¹² ~~своем~~ ²¹³ ~~своем~~ ²¹⁴ ~~своем~~ ²¹⁵ ~~своем~~ ²¹⁶ ~~своем~~ ²¹⁷ ~~своем~~ ²¹⁸ ~~своем~~ ²¹⁹ ~~своем~~ ²²⁰ ~~своем~~ ²²¹ ~~своем~~ ²²² ~~своем~~ ²²³ ~~своем~~ ²²⁴ ~~своем~~ ²²⁵ ~~своем~~ ²²⁶ ~~своем~~ ²²⁷ ~~своем~~ ²²⁸ ~~своем~~ ²²⁹ ~~своем~~ ²³⁰ ~~своем~~ ²³¹ ~~своем~~ ²³² ~~своем~~ ²³³ ~~своем~~ ²³⁴ ~~своем~~ ²³⁵ ~~своем~~ ²³⁶ ~~своем~~ ²³⁷ ~~своем~~ ²³⁸ ~~своем~~ ²³⁹ ~~своем~~ ²⁴⁰ ~~своем~~ ²⁴¹ ~~своем~~ ²⁴² ~~своем~~ ²⁴³ ~~своем~~ ²⁴⁴ ~~своем~~ ²⁴⁵ ~~своем~~ ²⁴⁶ ~~своем~~ ²⁴⁷ ~~своем~~ ²⁴⁸ ~~своем~~ ²⁴⁹ ~~своем~~ ²⁵⁰ ~~своем~~ ²⁵¹ ~~своем~~ ²⁵² ~~своем~~ ²⁵³ ~~своем~~ ²⁵⁴ ~~своем~~ ²⁵⁵ ~~своем~~ ²⁵⁶ ~~своем~~ ²⁵⁷ ~~своем~~ ²⁵⁸ ~~своем~~ ²⁵⁹ ~~своем~~ ²⁶⁰ ~~своем~~ ²⁶¹ ~~своем~~ ²⁶² ~~своем~~ ²⁶³ ~~своем~~ ²⁶⁴ ~~своем~~ ²⁶⁵ ~~своем~~ ²⁶⁶ ~~своем~~ ²⁶⁷ ~~своем~~ ²⁶⁸ ~~своем~~ ²⁶⁹ ~~своем~~ ²⁷⁰ ~~своем~~ ²⁷¹ ~~своем~~ ²⁷² ~~своем~~ ²⁷³ ~~своем~~ ²⁷⁴ ~~своем~~ ²⁷⁵ ~~своем~~ ²⁷⁶ ~~своем~~ ²⁷⁷ ~~своем~~ ²⁷⁸ ~~своем~~ ²⁷⁹ ~~своем~~ ²⁸⁰ ~~своем~~ ²⁸¹ ~~своем~~ ²⁸² ~~своем~~ ²⁸³ ~~своем~~ ²⁸⁴ ~~своем~~ ²⁸⁵ ~~своем~~ ²⁸⁶ ~~своем~~ ²⁸⁷ ~~своем~~ ²⁸⁸ ~~своем~~ ²⁸⁹ ~~своем~~ ²⁹⁰ ~~своем~~ ²⁹¹ ~~своем~~ ²⁹² ~~своем~~ ²⁹³ ~~своем~~ ²⁹⁴ ~~своем~~ ²⁹⁵ ~~своем~~ ²⁹⁶ ~~своем~~ ²⁹⁷ ~~своем~~ ²⁹⁸ ~~своем~~ ²⁹⁹ ~~своем~~ ³⁰⁰ ~~своем~~ ³⁰¹ ~~своем~~ ³⁰² ~~своем~~ ³⁰³ ~~своем~~ ³⁰⁴ ~~своем~~ ³⁰⁵ ~~своем~~ ³⁰⁶ ~~своем~~ ³⁰⁷ ~~своем~~ ³⁰⁸ ~~своем~~ ³⁰⁹ ~~своем~~ ³¹⁰ ~~своем~~ ³¹¹ ~~своем~~ ³¹² ~~своем~~ ³¹³ ~~своем~~ ³¹⁴ ~~своем~~ ³¹⁵ ~~своем~~ ³¹⁶ ~~своем~~ ³¹⁷ ~~своем~~ ³¹⁸ ~~своем~~ ³¹⁹ ~~своем~~ ³²⁰ ~~своем~~ ³²¹ ~~своем~~ ³²² ~~своем~~ ³²³ ~~своем~~ ³²⁴ ~~своем~~ ³²⁵ ~~своем~~ ³²⁶ ~~своем~~ ³²⁷ ~~своем~~ ³²⁸ ~~своем~~ ³²⁹ ~~своем~~ ³³⁰ ~~своем~~ ³³¹ ~~своем~~ ³³² ~~своем~~ ³³³ ~~своем~~ ³³⁴ ~~своем~~ ³³⁵ ~~своем~~ ³³⁶ ~~своем~~ ³³⁷ ~~своем~~ ³³⁸ ~~своем~~ ³³⁹ ~~своем~~ ³⁴⁰ ~~своем~~ ³⁴¹ ~~своем~~ ³⁴² ~~своем~~ ³⁴³ ~~своем~~ ³⁴⁴ ~~своем~~ ³⁴⁵ ~~своем~~ ³⁴⁶ ~~своем~~ ³⁴⁷ ~~своем~~ ³⁴⁸ ~~своем~~ ³⁴⁹ ~~своем~~ ³⁵⁰ ~~своем~~ ³⁵¹ ~~своем~~ ³⁵² ~~своем~~ ³⁵³ ~~своем~~ ³⁵⁴ ~~своем~~ ³⁵⁵ ~~своем~~ ³⁵⁶ ~~своем~~ ³⁵⁷ ~~своем~~ ³⁵⁸ ~~своем~~ ³⁵⁹ ~~своем~~ ³⁶⁰ ~~своем~~ ³⁶¹ ~~своем~~ ³⁶² ~~своем~~ ³⁶³ ~~своем~~ ³⁶⁴ ~~своем~~ ³⁶⁵ ~~своем~~ ³⁶⁶ ~~своем~~ ³⁶⁷ ~~своем~~ ³⁶⁸ ~~своем~~ ³⁶⁹ ~~своем~~ ³⁷⁰ ~~своем~~ ³⁷¹ ~~своем~~ ³⁷² ~~своем~~ ³⁷³ ~~своем~~ ³⁷⁴ ~~своем~~ ³⁷⁵ ~~своем~~ ³⁷⁶ ~~своем~~ ³⁷⁷ ~~своем~~ ³⁷⁸ ~~своем~~ ³⁷⁹ ~~своем~~ ³⁸⁰ ~~своем~~ ³⁸¹ ~~своем~~ ³⁸² ~~своем~~ ³⁸³ ~~своем~~ ³⁸⁴ ~~своем~~ ³⁸⁵ ~~своем~~ ³⁸⁶ ~~своем~~ ³⁸⁷ ~~своем~~ ³⁸⁸ ~~своем~~ ³⁸⁹ ~~своем~~ ³⁹⁰ ~~своем~~ ³⁹¹ ~~своем~~ ³⁹² ~~своем~~ ³⁹³ ~~своем~~ ³⁹⁴ ~~своем~~ ³⁹⁵ ~~своем~~ ³⁹⁶ ~~своем~~ ³⁹⁷ ~~своем~~ ³⁹⁸ ~~своем~~ ³⁹⁹ ~~своем~~ ⁴⁰⁰ ~~своем~~ ⁴⁰¹ ~~своем~~ ⁴⁰² ~~своем~~ ⁴⁰³ ~~своем~~ ⁴⁰⁴ ~~своем~~ ⁴⁰⁵ ~~своем~~ ⁴⁰⁶ ~~своем~~ ⁴⁰⁷ ~~своем~~ ⁴⁰⁸ ~~своем~~ ⁴⁰⁹ ~~своем~~

Причиною такого выбора было, безъ сомнѣнія, удобство мѣстности ¹⁾, по своей обширности и ровному положенію благопріятствовавшей движенію конницы, и кромѣ того, Гиппій, какъ кажется, хотѣлъ удалить изъ Аѣинъ войско, дабы приверженцы его могли дѣйствовать свободнѣе въ пользу персидскихъ интересовъ, и быть можетъ, надѣялся найти сообщниковъ между жителями Мараѡна, принадлежавшими къ партіи его отца, „діакріамъ“. Извѣстіе о приближеніи грознаго непріятеля произвело сильное впечатлѣніе на Аѣинянъ; но среди величайшей опасности граждане не измѣнили своему долгу и своей чести, и воодушевленные вѣрою въ помощь боговъ, дѣйательно занялись приготовленіями къ оборонѣ. 9.000 или 10.000 воиновъ подъ начальствомъ полемарха Каллимаха и десяти стратеговъ ²⁾ (полководцевъ),

¹⁾ Причина эта выставлена Геродотомъ (VI, 102). Финлей, а за нимъ и другіе ученые, въ томъ числѣ профессоръ Люгебиль (см. Архонтство и Стратигія въ Аѣинахъ во время Персидскихъ войнъ, стр. 83), основываясь на томъ, что Орѣазійское поле, гдѣ лежалъ Элевзисъ, обширнѣе Мараѡнской равнины (которая, впрочемъ, имѣетъ въ длину 9 верстъ, а въ ширину нигдѣ не менѣе 2), полагаютъ, что Гиппій, при выборѣ мѣста высадки, руководствовался исключительно политическими соображеніями, и что Геродотъ самъ не былъ на полѣ описаннаго имъ сраженія. Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Такъ какъ удобство мѣстности для движеній конницы зависитъ отъ двухъ условій—отъ ея обширности и отъ гладкой поверхности, то историкъ могъ имѣть въ виду преимущественно послѣднюю сторону, а что Мараѡнская равнина въ этомъ отношеніи представляетъ большія выгоды, о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческой топографіи, полковникъ Ликъ, который, когда въѣхалъ на поле, прославленное подвигами Мильтіада, то сопровождавшій его крестьянинъ изъ окрестныхъ жителей не вытерпѣлъ и сказалъ: «Какое прекрасное мѣсто для кавалерійскаго сраженія!» Само собою разумѣется, что причина, приводимая Геродотомъ, не исключаетъ и политическихъ разчетовъ (*Leake, on the Demi of Attica, in the Transactions of the Royal Society of Literature, 1834, vol. II. стр. 175*).

Во многихъ историческихъ сочиненіяхъ и учебникахъ (напримѣръ, *Веструссійскій переводъ*, томъ I, стр. 251), *Иловайскаго* (стр. 102) говорится объ *Элевзисѣ* и стратегахъ, и вовсе не упоминается о полемархѣ. Если такой пропускъ оправдывается, то съ другой стороны нельзя согласиться и съ тѣми, которые называютъ полемарха главнокомандующимъ (*Люгебиль* въ своихъ сочиненіяхъ).

Штолль, Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ, дняго соотвѣтствовало нѣкоторымъ новѣйшимъ европейскимъ государ-
ная военная администрація, но ему битвы. Въ противномъ случаѣ, на сраженіе, Мильтіадъ не былъ бы пред-
однятою рукой, указывающею на не-

въ числѣ которыхъ находился Мильтіадъ, получили повелѣніе немедленно двинуться къ Мараѳону, а между тѣмъ посланъ былъ гонецъ въ Спарту съ просьбою — не потерпѣть, чтобы варвары разрушили древнѣйшій изъ городовъ Греціи. Спартанцы выразили самую искреннюю готовность соединиться съ Аѳинянами, но придерживаясь строго формы своихъ постановленій, отказались выступить въ походъ, прежде чѣмъ настанетъ полнолуніе, по причинѣ празднованія Карней, съ которымъ соединена была экихерія, то-есть, прекращеніе военныхъ дѣйствій¹⁾. Это обстоятельство еще болѣе увеличило нерѣшительность, господствовавшую въ аѳинскомъ станѣ: одна половина полководцевъ, ссылаясь на неравенство силъ, совѣтовала уклониться отъ битвы; напротивъ того, остальные пять воеводъ убѣждали, не теряя ни минуты, напасть на непріятеля, дабы не дать времени усилиться крамоламъ и робости²⁾. Къ послѣднимъ принадлежалъ Мильтіадъ, и его доводы одержали верхъ: ибо съ нимъ согласился полемархъ, отъ котораго, при раздѣленіи голосовъ между полководцами, зависѣло окончательное рѣшеніе. Незадолго до начала сраженія присоединились къ Аѳинянамъ 1.000 оплитовъ, присланныхъ Платеей³⁾, и эта помощь, оказанная во время, должна была подѣйствовать самымъ ободрительнымъ образомъ на духъ аѳинскаго войска, стоявшаго одиночимъ въ

пріятеля. Смерть Каллимаха при Мараѳонѣ не устраняетъ нашего возраженія, такъ какъ онъ былъ убитъ предъ концемъ побоища, послѣ пораженія и преслѣдованія Аѳинянами Персовъ, во время схватки у морскаго берега.

4) Въ руководствѣ г. *Иловайскаго* сказано: «Они (Аѳиняне) послали за помощью къ Спартанцамъ; тѣ обѣщали, но по обычаю не хотѣли выйти въ походъ прежде полнолунія». Слѣдовало бы сказать: Спартанцы обѣщали, но привыкнувъ держаться строго своихъ обычаевъ, отказались выступить въ походъ прежде полнолунія, по причинѣ Карнейскаго праздника (въ честь Аполлона), съ которымъ было соединено прекращеніе военныхъ дѣйствій.

2) По Геротоду (VI, 109), совѣщаніе это происходило послѣ выступленія Мильтіада въ походъ, а по словамъ Корнелія Непота (*Miltiad.* с. 4), до выступленія Гротъ (т. II нѣмецкаго перевода 588—589) и Дункеръ (IV, 672) предпочли последнее извѣстіе; но мы не видимъ достаточнаго основанія и въ этомъ слѣдуетъ полагаться на показаніе главнаго и лучшаго источника нашихъ данныхъ для исторіи Персидскихъ войнъ, по причинамъ, приведеннымъ проф. *Дюгеблемъ* (стр. 175). Если бы планъ будущей кампаніи былъ составленъ еще до Аѳинахъ, то Мильтіадъ, судя по примѣру Евстрійцевъ, зависящихъ отъ полководцевъ, которые, выступивъ въ походъ, получили полномочіе дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

3) По Юстину (II, 9) было при у, въ которомъ участвовалъ Непотъ (*Miltiad.* с. 4) и Платейцевъ. Мильтіадъ же с

виду грознаго непріятеля, и еще болѣе скрѣпила дружбу, соединявшую обѣ республики. Въ августѣ 490 года произошла знаменитая Марафонская битва, спасшая Грецію, и быть можетъ, всю Европу отъ персидскаго порабоженія.

У Аѳинянъ было въ обычаѣ, чтобы главное начальство надъ войскомъ ежедневно переходило отъ одного стратега къ другому; но изъ уваженія къ военнымъ талантамъ и опытности Мильтіада, товарищи его, по предложенію Аристиды, съ общаго согласія, предоставили одному ему команду, въ виду ожидаемаго сраженія. Благодаря распорядительности этого полководца, искусно воспользовавшагося мѣстностію и знаніемъ персидской тактики, Аѳиняне и Платейцы, не смотря на свою малочисленность, одержали блистательную побѣду и преслѣдовали до самаго моря бѣгущихъ Персовъ, овладѣвъ богатую добычею, но не успѣвъ сжечь непріятельскіе корабли. Побѣдители потеряли убитыми всего 192 человѣка. Впрочемъ и уронъ, понесенный Персами, при ихъ многочисленности, былъ не весьма значителенъ (6.000), и они имѣли еще довольно силъ, чтобы отважиться на новое предпріятіе. Именно, увидѣвъ съ моря сигналъ, поданный Аѳинскими измѣнниками (блестящій щитъ, выставленный на возвышенномъ мѣстѣ Аттики, вѣроятно, на вершинѣ Пентелика, какъ полагаютъ Лики), и пользуясь отсутствіемъ войска, они рѣшились напасть на беззащитный городъ, и обогнувъ Сунійскій мысъ, прістали къ Фалернской пристани. Но Мильтіадъ бодрствовалъ. Онъ зналъ о козняхъ, предвидѣлъ заговоръ, а потому, немедленно послѣ сраженія, съ главными силами посѣщилъ въ Аѳины и успѣлъ прибыть туда прежде Персовъ. Распорядительность и быстрота Мильтіада спасли его отечество. Персидскіе полководцы не рѣшились болѣе испытывать счастье въ сраженіи съ побѣдившими ихъ воинами и чрезъ Кидары направили путь въ Азію, увлекая съ собою Евтрійскихъ плѣнныхъ, съ которыми добродушный Дарій поступилъ довольно снисходительно. Ограничивъ наказаніе ихъ разлукою съ родиной и поселеніемъ въ персидскихъ областяхъ (Киссейской, на пути, изъ Сарды въ сатрапію Ионіи), вѣрные данному слову, выступили въ походъ съ провинціями. Олуи, но не смотря на поспѣшность, съ которою шли, могла составить вѣдѣніе въ-время. Любопытство побудило ихъ, однако, осмолѣвъ отъ долговъ, и они, воздавъ заслуженную похвалу героическому разнахъ мѣста грековъ, возвратились въ отечество.

храненія провіантъ и радость Аѳинянъ, послѣ того какъ нечрезъ Геллеспонтъ скрылся изъ виду и опасность миновала. Прежде

всего съ свойственною имъ набожностію они обратились къ богамъ, которыхъ покровительству приписывали свое спасеніе, и старались возблагодарить ихъ богатыми приношеніями и жертвами. Потомъ побѣдители славили собственную свою храбрость торжественными играми, сопровождавшимися музыкальными и поэтическими состязаніями, и чтобъ увѣковѣчить память незабвеннаго дня, заказали картины, изображавшія ходъ Мараѳонской битвы и долженствовавшія передать ее потомству, такъ-сказать, наглядно. На этихъ картинахъ, вмѣстѣ съ воеводами, павшими на полѣ чести, получилъ мѣсто и Мильтіадъ, представленный въ положеніи военачальника съ поднятою рукою, указывающею на непріятеля. Но въ масличномъ вѣнкѣ, котораго добивался славолюбивый герой, ему было отказано народнымъ вѣчемъ, не потому, чтобъ Аѳиняне не цѣнили заслугъ Мильтіада или оставались ему неблагодарными, но потому что, по понятіямъ, господствовавшимъ въ древнихъ греческихъ республикахъ, по крайней мѣрѣ во время ихъ процвѣтанія, отличія, оказанныя гражданиномъ, какъ бы ни были велики, считались только исполненіемъ долга. Впрочемъ, Мильтіадъ стоялъ на верху славы, и лучшимъ доказательствомъ неограниченнаго довѣрія къ нему соотечественниковъ служить та готовность, съ которою, вскорѣ послѣ Мараѳонскаго сраженія, Аѳиняне предоставили въ полное распоряженіе этого полководца 70 кораблей съ нужнымъ количествомъ людей и денегъ, полагаясь единственно на его обѣщаніе обогатить республику, но не зная ни цѣли, ни мѣста похода, хранящихся въ тайнѣ для успѣха предпріятія. Находясь уже въ морѣ, Мильтіадъ приказалъ плыть къ Паросу для наказанія жителей за помощь, поданную Персамъ; но этою благовидною причиною прикрывалась, или по крайней мѣрѣ примѣшивалась къ ней личная вражда Мильтіада, который возненавидѣлъ Паросцевъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ нихъ очернилъ его предъ персидскимъ правительствомъ. Когда Паросцы отказались заплатить контрибуцію, Мильтіадъ окружилъ ихъ страну, но самаго города ихъ не могъ взять, и въ теченіе 26-дневной осады значительный уронъ, и къ несчастію своего несчастія, сдѣлался боленъ отъ раны, полученной при паденіи, которая заставила его снять осаду и возвратиться въ Аѳины. Неудачный исходъ экспедиціи произвелъ сдѣланіе для защиты Аѳинахъ. Враги Мильтіада воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ поступить съ нимъ по всей строгости закона. Больше о своемъ отецъ Перикла, внесъ въ народное собраніе предложение о смертной казни Мараѳонскаго побѣдителя за употребленіе чуждой помощи.

республики. Граждане, когда пришелъ первый порывъ негодованія, отвергли требованіе Ксантппа, ограничивъ наказаніе заслуженнаго полководца пеней въ пятьдесятъ талантовъ. Вскорѣ послѣ этого Мильтіадъ умеръ отъ раны, но не въ темницѣ, куда, по словамъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей (Корнелія Непота, Плутарха, Діодора), онъ былъ заключенъ, за невозможностію будто бы, по причинѣ бѣдности, исполнить приговоръ. Этому противорѣчатъ, во первыхъ, молчаніе Геродота, ближайшаго свидѣтеля, во вторыхъ, законный порядокъ аѳинскаго судопроизводства, по которому гражданинъ, приговоренный къ пенѣ, до уплаты ея, былъ лишаемъ политическихъ правъ, не подвергаясь тюремному заключенію, кромѣ немногихъ случаевъ, составлявшихъ исключеніе изъ общаго правила, и втретьихъ, то обстоятельство, что Кимонъ, по смерти отца, почтилъ память его исполненіемъ приговора; слѣдовательно, пени не была выше средствъ Мильтіада, который, владѣя княжествомъ въ Херсонесѣ Оракійскомъ, успѣлъ нажить огромныя богатства.

Мараѳонская битва доказала Грекамъ возможность побѣждать Персовъ, но не избавила Грецію отъ угрожавшей ей опасности. Узнавъ о пораженіи своихъ полководцевъ, Дарій пришелъ въ сильное негодованіе и немедленно занялся большими приготовлениями къ новому походу, который однако же не состоялся, по случаю его кончины. Преемникъ Дарія, Ксерксъ сначала не имѣлъ большой охоты воевать съ Греками, и только внушенія властолюбиваго Мардонія и льстивыя рѣчи греческихъ изгнанниковъ, жившихъ при персидскомъ дворѣ (Пизистратидовъ и прорицателя Ономокрита), а также надежда на помощь, обѣщанную ессалійскими князьями Алевадами, побѣдили нерѣшительность этого монарха, при всей гордости постоянно находившагося въ зависимости отъ другихъ. Усмиривъ Египетъ, Ксерксъ, вопреки благоразумнымъ предостереженіямъ дяди своего Артабана, рѣшился предпринять походъ въ Грецію, подъ личнымъ своимъ предѣтельствомъ, для того, чтобы наказать Аѳинянъ, и соединивъ съ Азіей, составить изъ нихъ одно государство. Начальники дѣятельно занимались наборомъ и организаціей войскъ въ хъ. Четыре года прошло въ приготовленіяхъ, прежде чѣмъ яться кампанія, а между тѣмъ были заблаговременно приняты обезпеченія перехода и продовольствія войскъ. Въ хъМакедоніи и Оракіи были устроены магазины для ита, свезеннаго изъ плодороднѣйшихъ странъ Азій, были наведены понтонныя мосты, и приступлено къ

прорытію Аѳонскаго перешейка, дабы не подвергать флота опасности бурнаго плаванія, около негостепріимнаго мыса, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ морскія силы Персовъ испытали крушеніе.

Слухъ о страшныхъ приготвленіяхъ Персидскаго царя весьма рано дошелъ въ Грецію и произвелъ между жителями ея сильное смятеніе. По обыкновенію прибѣгли къ оракуламъ, но первые отвѣты Пифіи были весьма неутѣшительны и еще болѣе увеличили страхъ суевѣрныхъ. Къ счастью, въ Греціи нашлись люди, которые умѣли воодушевить своихъ соотечественниковъ и указать имъ средство къ защитѣ своей независимости. На Исомѣ былъ созванъ сеймъ представителей греческихъ государствъ, на которомъ положено было прекратить всѣ домашнія распри между Эллинами и общими силами отразить общую опасность.

Въ то же время отправлены были послы въ Аргось, Сиракузы, Керкиру и Критъ съ просьбой о помощи, но посольство это не увѣнчалось успѣхомъ. Аргосцы отговаривались изреченіемъ оракула, совѣтовавшаго имъ беречь головы, а въ самомъ дѣлѣ, по ненависти къ Спартѣ, не хотѣли принять участія въ предстоявшей борьбѣ и даже втайнѣ благопріятствовали Персамъ. Гелонъ Сиракузскій соглашался помочь Грекамъ не иначе, какъ подъ условіемъ предоставленія ему главнаго начальства надъ всѣмъ союзнымъ войскомъ или, по крайней мѣрѣ, надъ морскими или сухопутными силами; но депутаты съ гордостью отвергли это требованіе, не согласовавшееся съ греческими обычаями, замѣтивъ, что игемонія принадлежитъ Спартѣ. Критъ, коего народонаселеніе состояло изъ разнородныхъ элементовъ, не оказывалъ ~~большаго сочувствія~~ ^{большаго сочувствія} къ интересамъ Греціи: Керкирянсѣ хотя на словахъ обѣщали помощь и дѣйствительно снарядили 60 кораблей, но въ дорогѣ съ умысломъ медлили, выжидая, какой оборотъ примутъ дѣла, а потомъ извинялись противными вѣтрами, будто бы задержавшими ихъ. Такимъ образомъ, все бремя войны обрушилось на жителей Греческаго полуострова въ Европѣ, да и между ними не всѣ сочувствовали общему дѣлу. Одни государства хранили нейтралитетъ, другія открыто приняли сторону Ксеркса, вручивъ посланнымъ его землю и воду ¹⁾ или же ожидали прибытія Персовъ чтобы соединиться съ ними (Доряне). Даже между Эллинами, ополчившимися для защиты своей независимости, нерѣдко происходили разногласія на счетъ средствъ обороны, и многіе изъ союзниковъ думали болѣе о своемъ

¹⁾ Тессалійцы, Локряне, вся Віотія, кромѣ Теспій и Платея.

спасеніи, чѣмъ о благѣ Эллады. Можно смѣло утверждать, вмѣстѣ съ Геродотомъ, что вся честь великаго дѣла принадлежитъ Аѳинянамъ, или, лучше сказать, тѣмъ мужамъ, которые въ это время руководили Аѳинянами, и которымъ Провидѣніе предназначило дать новое направленіе судьбамъ историческаго міра, рѣшивъ въ пользу запада тяжбу между нимъ и востокомъ о первенствѣ. Эти мужи былиThemistocles и Аристидъ. Первый, одинъ изъ величайшихъ геніевъ, одаренный необыкновенною политическою дальновидностію и неистощимый въ изобрѣтеніи средствъ для исполненія задуманныхъ имъ цѣлей, еще въ ранней молодости мечталъ о прославленіи себя великими дѣлами, жалуюсь своимъ друзьямъ, что трофеи Мильтіада лишаютъ его сна. Другой, уступая геніемъThemistocle, но также не лишенный замѣчательныхъ правительственныхъ и военныхъ талантовъ, неоднократно выказанныхъ имъ въ продолженіе многотрудной и полезной жизни, сверхъ того обладалъ въ высокой степени честностію и неподкупнымъ безкорыстіемъ, качествомъ, которое встрѣчалось весьма рѣдко между государственными мужами Греціи и потому высоко уважалось въ древней Элладѣ, и за которое онъ получилъ отъ своихъ соотечественниковъ прозваніе справедливаго,—отличіе, сколько лестное, столько же и опасное въ такомъ государствѣ, какъ Аѳинское, гдѣ всякое превосходство, рѣзко выдѣлявшее отдѣльную личность изъ толпы, возбуждало недоброжелательство завистливой демократіи. Оба они не получили того многосторонняго приготовительнаго образованія, которое въ послѣдствіи сдѣлалось необходимымъ для вождей Аѳинскаго народа, замѣнивъ недостатокъ его природными дарованіями и житейскою опытностію. Оба, воспитанные въ духѣ учрежденій Солона и Клисѳена, положившихъ основаніе истинному патріотизму уничтоженіемъ политическихъ партій, нѣкогда обуревавшихъ Атику, искренно желали добра своей родинѣ, хотя и различно понимали ея интересы. Themistocles, подобно большей части геніальныхъ людей, любилъ блескъ, громкія дѣла, даже не чуждъ былъ суетности, и желалъ сдѣлать Аѳины первымъ государствомъ въ Греціи, съ свойственною ему проищательностію изыскивалъ новыя пути для возвышенія отечества; въ выборѣ средствъ онъ не отличался разборчивостію. Аристидъ же поставлялъ общее благо въ строгой нравственности и неукоснительномъ исполненіи обязанностей гражданина, и не отвергая необходимыхъ улучшеній сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ, твердо стоялъ за прежнія основанія Аѳинской жизни, освященные вѣковыми преданіями. При такомъ различіи характеровъ и взглядовъ, они естественно не могли поладить,

и вскорѣ послѣ Мараѳонскаго сраженія, соперничество между ними дошло до того, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ оставить отечество. Ѳемистоклу, искусному въ политическихъ интригахъ, удалось побѣдить своего прямодушнаго противника, неумолимаго въ обличеніи неправды. Изгнанный остракизмомъ, онъ удалился на островъ Эгину. Эта несправедливость однако нисколько не ослабила его патріотизма, и онъ въ самомъ изгнаніи умѣлъ быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ, которые, къ чести Ѳемистокла, по его предложенію, сняли съ доблестнаго гражданина незаслуженную имъ опалу, до истеченія законнаго срока.

Окончивъ всѣ приготовленія, Ксерксъ весною 480 года прибылъ въ кападокійскій городъ Криталь, гдѣ было назначено сборное мѣсто войскамъ для выступленія въ походъ. Отсюда онъ двинулся въ дальнѣйшій путь чрезъ Кападокію и Фригію въ Сарды, гдѣ рѣшился провести всю зиму, а между тѣмъ въ бытность свою въ этомъ городѣ отправилъ посольство во всѣ греческія государства, кромѣ Аѳинъ и Спарты, требовать воды и земли. Призывъ этотъ, какъ мы уже видѣли, не остался тщетнымъ. Достигнувъ Геллеспонта, при городѣ Абидосѣ, Персидскій монархъ съ возвышеннаго мѣста обозрѣвалъ свои войска, потомъ слѣдовала знаменитая переправа черезъ мостъ, продолжавшаяся безъ отдыха семь дней и семь ночей; въ Дорисской равнинѣ Ксерксъ произвелъ подробный смотръ всѣмъ какъ сухопутнымъ, такъ морскимъ силамъ, послѣ котораго, если вѣрить Геродоту, оказалось одной пѣхоты 1.700.000, да сверхъ того 80.000 конницы и 1.207 ¹⁾ военныхъ кораблей съ экипажемъ, простиравшимся до 276.000 человекъ ²⁾, не считая транспортныхъ судовъ, между тѣмъ какъ Ктезій ³⁾ ограничиваетъ число сухопутнаго войска—800.000, и къ этой цифрѣ довольно близко подходятъ показанія позднѣйшихъ писателей (по Эліану 700.000, по Плинію—788.000, по Діодору—800.000, по Юстину—1.000.000). Очевидно, что мы не имѣемъ никакой возможности рѣшить, кто изъ нихъ болѣе правъ, и что всякая попытка опредѣлить хотя приблизительно настоящую численность арміи Ксеркса со стороны новѣйшаго изслѣдователя была бы бесполезнымъ трудомъ; ибо извѣстно, что даже и теперь на востокѣ очень часто сами начальники не

¹⁾ Эсхиль также опредѣляетъ морскія силы Персовъ въ 1.207 военныхъ судовъ (Персы, ст. 33).

²⁾ Полагая на каждую трирему по 230 человекъ экипажа, см. Исторію Греціи *Грота*, въ нѣмецкомъ переводѣ *Мейснера*, III, стр. 30—31.

³⁾ Persica, с. 22—23.

знають съ точностью числа войскъ, находящихся подъ ихъ командою ¹⁾. А посему, не выдавая за достовѣрную ни одной изъ приведенныхъ выше цифръ, мы предпочитаемъ, по примѣру Ксенофонта ²⁾, ограничиться замѣчаніемъ, что Ксерксъ привелъ въ Грецію огромное войско, которому равнаго прежде Европа никогда не видѣла, хотя разнородный составъ этого войска и дурное вооруженіе большей части ратниковъ, при недостаткѣ дисциплины и общихъ патриотическихъ побужденій, лишали Персовъ тѣхъ выгодъ, которыя, повидимому, должно было доставить имъ численное превосходство, тѣмъ болѣе что они шли въ страну, гдѣ самая мѣстность затрудняла употребленіе огромныхъ массъ людей. Лучшую часть персидскаго войска, безспорно, составлялъ флотъ, на которомъ служили опытные моряки Финикіане и Іоняне.

Послѣ смотра въ Абидосѣ, Ксерксъ, раздѣливъ войско свое на три части, продолжалъ путь по землямъ, населеннымъ разными еракійскими и македонскими племенами, вблизи греческихъ приморскихъ городовъ (Дикен, Маронен, Абдеры, Еіона, Аргилы, Стагира). Всѣ эти страны входили въ составъ его монархіи, а потому жители ихъ обязаны были давать подкрѣпленія персидской арміи и снабжать ее съѣстными припасами. Въ Авантѣ онъ разстался съ своимъ флотомъ, которому велѣно было чрезъ Аѳонскій каналъ вступить въ Термекійскій заливъ и ожидать прибытія царя въ Терме (Салоники), а между тѣмъ самъ совершилъ трудный походъ по негостепріимной и лѣсной части Македоніи, послѣ котораго соединился съ флотомъ, и наводивъ войсками своими всю Македонію, Перію и Боттію, сталъ въ виду Олимпа, передоваго стража Греціи со стороны сѣвера.

Первою мыслию союзныхъ Эллинновъ было дать отпоръ Персамъ на границѣ Македоніи и Тессаліи. Съ этою цѣлію они послали войско для занятія Темпейскаго ущелья, пункта чрезвычайно удобнаго для обороны: ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣснина здѣсь до того суживается, что по ней съ трудомъ можетъ пройти одна повозка. Слѣдо-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно свѣдѣніе, сообщаемое барономъ Тотомъ въ его запискахъ. Во время войны Русскихъ съ Турками въ 1770 году, когда оттоманское войско стояло лагеремъ при Бабадагѣ, великій визирь однажды потребовалъ къ себѣ барона Тота и спросилъ его: какъ велики турецкія силы? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и что въ случаѣ надобности, онъ самъ обратился бы съ этимъ вопросомъ къ визирю. Тогда визирь прямо сказалъ, что ему неизвѣстно число ввѣреннаго ему войска. «Откуда мнѣ знать то, что вамъ неизвѣстно», спросилъ Тотъ. «Изъ Вѣскихъ газетъ, вѣдь вы читаете ихъ», возразилъ визирь.

²⁾ Анаб. III, 2, 13.

вательно, нѣсколько храбрецовъ, пользуясь благопріятною мѣстностію, могли бы задерживать движеніе многочисленной арміи. Позиція эта оказалась, однакоже, не совсѣмъ благонадежною: во первыхъ, потому что въ тылу Грековъ могъ дѣйствовать огромный персидскій флотъ, а во вторыхъ, они получили извѣстіе отъ Македонскаго царя Александра о существованіи другаго прохода изъ Македоніи въ Ѳессалію, который чрезъ страну Пергебовъ велъ въ городъ Іонось. Послѣ такого открытія союзники, считая невозможнымъ защищать занятый ими постъ, сѣли на суда и возвратились въ Исѣмъ, гдѣ оставались до тѣхъ поръ, пока слухъ о прибытіи Ксеркса въ Ѳерме не побудилъ представителей греческихъ государствъ принять рѣшительныя мѣры къ отвращенію опасности.

На основаніи вновь составленнаго плана, Спартанскій царь Леонидъ съ 300 Спартанцевъ и нѣсколькими тысячами союзниковъ (500 Тегеянъ, 500 Мантинейцевъ, 1.120 Аркадцевъ, 400 Коринѳянъ, 200 Фліунтскихъ оплиговъ, 80 Микенскихъ, 700 Ѳеспійцевъ, 400 Ѳивянъ и 1.000 Фокеянъ) получилъ приказаніе занять Ѳермопильскій проходъ, находившійся на границѣ Ѳессаліи и Локриды, и держаться тамъ до тѣхъ поръ, пока окончаніе Олимпійскаго и Карнейскаго праздниковъ дастъ союзникамъ возможность собрать болѣе значительныя силы; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сухопутнаго войска, у сѣверной оконечности Эвбеи, при мысѣ Артемизіѣ, расположился греческій флотъ, состоявшій подъ начальствомъ Спартанца Эврибіада изъ 280 судовъ (271 триремъ и 9 пентеконтеръ), въ числѣ которыхъ находилось болѣе 100 Аѳинскихъ. Такимъ образомъ позиція Грековъ представляла ту выгоду, что защитники Ѳермопиля могли пользоваться пособіемъ флота. Но одно обстоятельство едва не лишило ихъ этой выгоды. Взятіе Персами двухъ греческихъ судовъ изъ числа трехъ, крейсировавшихъ вдоль береговъ Ѳессаліи для наблюденія за непріятельскимъ флотомъ, навело такой страхъ на союзниковъ, что Эврибіадъ и его товарищи рѣшились покинуть Артемизій и искать болѣе безопаснаго убѣжища въ узкомъ Халкидскомъ проливѣ. Удаленіе флота дѣлало весьма опаснымъ положеніе защитниковъ Ѳермопиля, и Греки могли бы дорого поплатиться за свою ошибку, если бы сама судьба не поблагодѣтельствовала имъ. Внезапно поднялась страшная буря, которая свирѣпствовала три дня, и отъ которой погибло болѣе 400 персидскихъ судовъ, со множествомъ людей и груза. Событіе это подѣйствовало самымъ ободрительнымъ образомъ на духъ союзниковъ, занявшихъ снова прежнюю позицію, и даже внушило имъ отвагу атаковать часть

непріятельскаго флота. Хотя въ сраженіи, происшедшемъ близъ Артемизіа, Греки не успѣли одержать совершенную побѣду, но уже много выиграли тѣмъ, что устояли противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. На третій день персидскіе полководцы возобновили битву, которая окончилась нерѣшительно, и отъ которой обѣ стороны понесли весьма большой уронъ, а наканунѣ ея, ночью, поднялась новая буря, причинившая Персамъ значительный вредъ, тогда какъ греческій флотъ и на этотъ разъ остался невредимымъ.

Между тѣмъ Ксерксъ прошелъ Фессалію, жители которой приняли его сторону, частью изъ страха, а частью по вліянію приверженныхъ Персамъ Алеватовъ, и расположился съ своею арміею въ обширной равнинѣ, разстилавшейся вокругъ города Трахиса въ виду Термопилъ. Въ продолженіе четырехъ дней онъ не предпринималъ ничего противъ Грековъ: ибо, говоритъ Геродотъ, былъ увѣренъ, что они, увидѣвъ вблизи его страшныя силы, откажутся отъ сопротивленія; но была, кажется, и другая причина его медленности: это — безпокойство царя на счетъ участи его флота, о которомъ носился слухъ, будто бы онъ весь уничтоженъ былъ бурей. Во всякомъ случаѣ, если Ксерксъ и надѣялся достигнуть цѣли безъ кровопролитія, то едва-ли онъ былъ ослѣпленъ ребяческимъ тщеславіемъ, которое приписываетъ ему греческій историкъ, изъ религіозно-нравственныхъ побужденій останавливающейся всегда съ особеннымъ удовольствіемъ на контрастахъ, для того чтобы поразительнѣе выставить превратность человѣческаго счастья и униженіе гордости; по всей вѣроятности, Ксерксъ разчитывалъ на интриги своихъ приверженцевъ, полагая, имъ, можетъ-быть, удастся склонить Леонида къ отступленію, подобно тому, какъ прежде греческое войско оставило позицію при Темпе по совѣту Македонскаго царя Александра, котораго Спартанцы, повидимому не безъ основанія, подозрѣвали въ вѣроломствѣ, хотя онъ и разыгрывалъ роль тайнаго доброжелателя Эллады. Но ожиданія Ксеркса не исполнились.

Благодаря энергической твердости Леонида, Греки рѣшились защищать до послѣдней крайности ввѣренный имъ постъ. Раздраженный такимъ упорствомъ, царь, на пятый день послѣ своего прибытія, приказываетъ одному изъ своихъ корпусовъ, состоявшему изъ Мидянъ и Киссіянъ, атаковать горсть храбрецовъ и представить ихъ къ нему живыми. Не смотря на стремительность, съ которою было произведено это нападеніе, Греки, пользуясь превосходствомъ оружія и мѣстностію, уравнивавшею силы, блистательно отразили отчаянные натиски не-

пріятеля и заставили его ретироваться съ большимъ урономъ. На другой день Ксерксъ послалъ противъ нихъ цвѣтъ своего войска, такъ-называемый отрядъ безсмертныхъ, но и онъ подвергся одной участи съ Мидянами. Послѣ этого было сдѣлано еще нѣсколько попытокъ, окончившихся столь же безуспѣшно. Царь находился въ весьма затруднительномъ положеніи и не зналъ на что рѣшиться, когда, къ стыду греческаго имени, явился среди Грековъ измѣнникъ, Малійскій уроженецъ, по имени Эфіалтъ, и вызвался провести Персовъ въ Оермопилы посредствомъ другой малонизвѣстной тропинки, пролегавшей между скаль и лѣсовъ. Тропинка эта, извѣстная подъ именемъ Анопейской, начиналась у берега Азона и оканчивалась при крѣпости Алпенахъ. Ночью персидскій вождь Гидарнъ прошелъ по ней съ 20.000 отрядомъ войска. На разсвѣтѣ Персы поднялись на вершину Эты, сбили 1.000 Фокеянъ, защищавшихъ въ этомъ мѣстѣ проходъ, и спустившись съ горы, зашли въ тылъ Грекамъ. Когда извѣстіе объ этомъ роковомъ движеніи дошло до союзниковъ, они раздѣлились въ мнѣніяхъ на счетъ того, что имъ оставалось дѣлать. Большинство думало, что пока есть время лучше всего удалиться и не жертвовать безъ пользы жизнію людей. Но Леониду мысль объ отступленіи казалась позорною. Законы его отечества требовали, чтобъ онъ побѣдилъ или умеръ, защищая вѣреннѣйшій ему постъ, а предсказаніе Пифіи, что или Спарта будетъ разорена Персами, или Лакедемонская земля оплачетъ смерть своего царя, еще болѣе убѣдило его въ необходимости пожертвовать собою. Притомъ же, если бы онъ отступилъ, то по всей вѣроятности, не избѣжалъ бы порицанія, которому въ Греціи обыкновенно подвергались полководцы, потерпѣвшіе неудачу, между тѣмъ какъ добровольное обреченіе себя на смерть не только заграждало уста злословію, но и должно было вознести его на высшую степень славы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудить въ другихъ благородное соревнованіе въ такое время, когда Греціи особенно нужны были великіе примѣры. Образъ мыслей Леонида вполне раздѣляли находившіеся съ нимъ 300 Спартанцевъ, а также и Теспійцы, вмѣстѣ съ доблестнымъ вождемъ своимъ Демофиломъ. Прочіе союзники, согласно изъясненному ими желанію, получили дозволеніе удалиться, или же, какъ гласитъ другое сказаніе, сообщаемое Геродотомъ, были отпущены самимъ Леонидомъ, удержавшимъ при себѣ лишь такое число людей, какое было нужно для того, чтобы сколько можно дороже продать свою жизнь. Въ числѣ оставшихся историкъ называетъ и Фиванцевъ, хотя они сдѣлали это болѣе по принужденію, нежели по доброй волѣ, а

потому на усердіе ихъ, какъ показали послѣдствія, нельзя было полагаться. Около полудня Ксерксъ съ главными силами своими двинулся противъ горсти Грековъ, а между тѣмъ Гидарнъ, совершивъ обходъ, готовился напасть на нее съ другой стороны. Завязался кровопролитный бой, въ которомъ Греки оказали чудеса храбрости. Въ короткое время Ксерксъ не досчитывался въ своей арміи нѣсколькихъ тысячъ. Многіе Персы пали подъ ударами Грековъ, другіе были втоптаны частію въ море, частію въ близъ-лежавшія болота, или же лишились жизни по неосторожности своихъ товарищей, во время суматохи, происшедшей при отступленіи персидскаго войска. Когда же былъ убитъ Леонидъ, то надъ трупомъ его завязалась новая, еще упорнѣйшая битва: сражающіеся, по сокрушеніи оружія, дрались руками и зубами. Наконецъ, истощенный продолжительнымъ сопротивленіемъ и значительно уменьшившійся въ числѣ, небольшой греческій отрядъ перешелъ на возвышенность, находившуюся въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода, и тамъ спокойно ожидалъ смерти, не переставая защищаться, пока оставался въ немъ въ живыхъ хотя одинъ человекъ. Въ этомъ послѣднемъ сраженіи Оиванцы вовсе не принимали участія. Какъ скоро они увидѣли, что дѣло союзниковъ потеряно, то вѣроломно оставили ихъ, и явившись къ Ксерксу, умоляли его о пощадѣ въ самыхъ униженныхъ и подобострастныхъ выраженіяхъ. Царь даровалъ имъ жизнь, но обошелся съ ними съ презрѣніемъ, достойнымъ измѣнниковъ.

Такъ окончилась Термопильская битва, покрывшая безсмертною славою Леонида и его сподвижниковъ и достойно оцѣненная, какъ современниками, такъ и потомствомъ. Амфиктіоны почтили память Спартанскихъ героевъ слѣдующею простою, глубоко-трогательною надписью: „Прохожій, возвѣсти Лакедемонянамъ, что мы пали здѣсь, повинаясь законамъ отечества!“ Другая болѣе кичливая надпись гласила о сраженіи 4.000 целопонезскихъ воиновъ съ 300 мириадъ, то - есть, съ 3.000.000 варваровъ; но мы нигдѣ не встрѣчаемъ имени Теспійцевъ, которые сражались также храбро, какъ и Спартанцы, и которыхъ подвигъ заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что побужденіемъ къ нему служило единственно чувство чести, а не требованія военной дисциплины, предписывавшей Спартанцу не оставлять вѣреннаго ему поста, подѣ опасеніемъ лишиться добраго имени ¹⁾.

¹⁾ Вотъ почему не справедливо выражаться о защитникахъ Термопилъ такъ, какъ выразился г. Иловайскій: «Леонидъ отпустилъ большую часть союзныхъ отрядовъ; а самъ съ 300 своихъ Спартанцевъ и нѣсколькими стами союзниковъ»

Взятіе Термопиль открыло Ксерксу дорогу въ средину Греціи. Персы изъ политическихъ расчетовъ щадилъ земли, добровольно изъ-явившія имъ покорность. Благодаря этому обстоятельству, Дорида избѣжала опустошенія. Напротивъ того, сосѣдняя съ нею Фокида, которая приняла участіе въ борьбѣ за независимость, и жители которой были очернены предъ Ксерксомъ давнишними врагами своими Тессалійцами, подверглась страшному разгрому. Персы прошли по ней разрушительнымъ потокомъ, истребляя все огнемъ и мечемъ, выжгли отъ десяти до двѣнадцати Фокейскихъ городовъ и даже не уважали храмовъ. У Панопея, на границѣ Фокиды, Ксерксъ, раздѣливъ войско свое на двѣ части, самъ съ главными силами чрезъ Біотію направилъ путь въ Аттіку, а другой меньшій отрядъ былъ посланъ имъ противъ Дельфійскаго храма съ приказаніемъ овладѣть его богатыми сокровищами. Геродотъ разсказываетъ о чудесномъ защищеніи дома Аполлона самимъ божествомъ, которое запретило жителямъ спасать храмовыя сокровища, говоря, что оно не нуждается въ посторонней помощи для того, чтобъ отстоять свою собственность. Послѣдующія событія, по словамъ историка, вполнѣ подтвердили это обѣщаніе. Когда Персы находились уже въ виду города, священное оружіе, хранившееся внутри храма, невидимою силою было перенесено на храмовыя ступени, и вслѣдъ затѣмъ поднялась страшная буря съ громомъ и молніей. Оторванные ею отъ Парнасса, два обломка скалы съ трескомъ обрушились на варваровъ, при чемъ многіе изъ нихъ лишились жизни, а остальные въ ужасѣ бѣжали до границы, преслѣдуемые спустившимися съ горъ Дельфійцами, и потомъ разсказывали, вѣроятно, желая скрыть стыдъ пораженія своего выдумкою, что сами боги поражали ихъ въ образѣ двухъ воиновъ исполинскаго роста; впрочемъ, можетъ-быть, въ страхъ они дѣйствительно приняли за боговъ греческихъ витязей, смѣло ударившихъ на оробѣвшаго непріятеля. Результатъ Термопильскаго сраженія, какъ оно ни славно было для чести греческаго оружія, сильно встревожилъ всѣхъ Эллиновъ, отважившихся на борьбу съ Ксерксомъ, въ особенности Аѳинянъ, которые, надѣясь на обѣщаніе Спартанцевъ выслать войско для прикрытія Аѳинъ, не принимали никакихъ мѣръ

бросился на непріятелей и послѣ отчаянной битвы палъ со всѣми *Спартакцами*. Предлагаемъ слѣдующую редакцію этого мѣста: «Леонидъ отпустилъ большую часть союзныхъ отрядовъ; а самъ съ 300 своихъ Спартанцевъ и 700 Теспійцевъ, которые съ доблестныхъ вождемъ своимъ Демовиломъ, добровольно остались съ нимъ, бросился на непріятелей и послѣ отчаянной битвы палъ со всѣми своими сподвижниками».

на случай непріятельскаго нашествія. Но къ крайнему огорченію своему, они увидѣли, что Пелопонезцы думаютъ только о безопасности своего полуострова, а между тѣмъ Ксерксъ былъ уже въ Віотіи, и участь, постигшая города Платею и Теспію, разоренные Персами, со дня на день грозила Аѣинамъ. Въ этомъ критическомъ положеніи Аѣиняне отпавляютъ къ Эврибиаду гонца съ просьбою приказать флоту отплыть отъ Артемизіи и остаться на время при Саламинѣ для поданія имъ помощи. Эврибиадъ исполнилъ ихъ желаніе. Аѣинскія семейства были перевезены частію въ Пелопонезъ, а частію на со-сѣдственные острова Саламинъ и Эгину; всѣ же граждане, способные носить оружіе, поступили на флотъ, ибо Оемистоклу удалось убѣдить своихъ соотечественниковъ, что Писіа, совѣтуя Аѣинянамъ искать убѣжища за деревянными стѣнами, разумѣла корабли. Едва окончилось это переселеніе, какъ Ксерксъ, на 14-й день послѣ Оермопильскаго сраженія, вступилъ въ опустѣвшіе Аѣины. Мертвая тишина царствовала въ городѣ, гдѣ еще недавно кипѣла дѣятельность. Только немногіе изъ жителей, большею частію бѣдники и служители храмовъ, остались въ Акрополѣ, и оградивъ себя деревянною стѣною, согласно изреченію оракула, буквально ими понятому, ожидали чуда для своего спасенія. Эта горсть инвалидовъ съ презрѣніемъ отвергла предложеніе о сдачѣ, сдѣланное отъ имени Ксеркса находившимися въ его войскѣ Пизистратидами, и наносила значительный вредъ непріятельскому войску, бросая въ него съ высоты огромные камни, доколѣ нѣсколько охотниковъ изъ персидскаго войска, взобравшись на сѣверную отвѣсную сторону Акрополя, оставшуюся по безпечности безъ прикрытія, не зашли въ тылъ гарнизону и не отворили воротъ главному отряду, штурмовавшему крѣпость. Тогда осажденные, видя неизбежную гибель, или сами бросались съ высоты и находили смерть, или же искали спасенія у алтарей, хотя и тщетно: ибо непріятель, раздраженный упорною обороною горсти защитниковъ, никому не давалъ пощады. Перебивъ гарнизонъ, Персы бросились на храмъ Минервы, покровительницы города, сперва ограбили, потомъ сожгли этотъ богатый храмъ, и наконецъ, зажгли самый Акрополь; пламя быстро разлилось отсюда по всему городу и обратило въ груды пепла болѣшую половину цвѣтущихъ Аѣинъ.

Теперь спасеніе Греціи зависѣло отъ участи морскаго сраженія, которое торжествующій Ксерксъ, по прибытіи персидскаго флота въ Фалернскую гавань, намѣревался дать союзникамъ, въ надеждѣ однимъ ударомъ сокрушить ихъ силы; но приступая къ столь важному

дѣлу, онъ желалъ предварительно знать мнѣніе своихъ сановниковъ и созвалъ военный совѣтъ, который, какъ замѣчаетъ Гротъ, былъ одною пустою формальностію, ибо персидскіе военачальники, зная образъ мыслей своего монарха, не считали нужнымъ противорѣчить ему и подали голоса въ пользу сраженія. Впрочемъ, и въ этомъ раболѣпномъ совѣтѣ нашлась особа, иначе понимавшая обязанности вѣрноподданнаго и высказавшая царю свои убѣжденія съ откровенностію, дѣлающею честь ея уму и сердцу. Это была Артемизія, правительница Галикарнасса, родины Геродота, столь же славная своею практическою опытностію, какъ и блистательнымъ мужествомъ въ бояхъ. Артемизія не совѣтовала вступать въ сраженіе, ссылаясь на искусство Грековъ въ морской войнѣ и на неспособность большей части персидскихъ моряковъ, и утверждала, что царь вѣрнѣе и съ меньшими пожертвованіями достигнетъ цѣли, если будетъ держаться выжидательной системы; что греческій флотъ, собравшійся при Саламинѣ, разсѣется самъ собою отъ недостатка въ средствахъ продовольствія, и что Пелопонезцы, по всей вѣроятности, поспѣшатъ на защиту своей родины, какъ скоро узнаютъ о движеніи сухопутнаго персидскаго войска къ Исему. Многочисленные враги Артемизіи торжествовали, въ полномъ убѣжденіи, что смѣлая рѣчи ея не понравятся царю, но къ удивленію ихъ, Ксерксъ нашелъ уважительными приведенныя ею основанія, хотя и не воспользовался совѣтомъ умной царицы, подъ предлогомъ нежеланія отступить отъ мнѣнія большинства, а въ самомъ дѣлѣ потому, что былъ увѣренъ въ побѣдѣ и горѣлъ нетерпѣніемъ отмстить Грекамъ за неудачу, понесенную Персами при мысѣ Артемизіѣ. Между начальниками греческаго флота также происходили совѣщанія насчетъ плана будущихъ дѣйствій, сопровождавшіяся весьма жаркими преніями. Спорный вопросъ заключался въ томъ: остаться ли союзникамъ при Саламинѣ, или же отступить къ Исему и тамъ ожидать нападенія непріятеля. Большинство членовъ совѣта, состоявшее преимущественно изъ Пелопонезцевъ, склонялось въ пользу послѣдняго мнѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не разобщить сухопутной арміи съ флотомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ими руководило чувство самосохраненія. Между тѣмъ, во время самыхъ совѣщаній, было получено извѣстіе объ участи, постигшей Аѣины, и оно распространило такое уныніе между союзниками, что нѣкоторые полководцы, не дождавшись окончательнаго рѣшенія, покинули собраніе съ тѣмъ, чтобы возвратиться на родину. Оставшіеся, согласно опредѣленію большинства, положили занять Исемъ и ограничиться

обороною Целопонеза, не смотря на протестъThemistocles, котораго, когда онъ возвратился на свой корабль, одинъ изъ Афинскихъ друзей его, по имени Мнесифиль, человекъ съ весьма свѣтлою практическою головою, убѣдилъ еще болѣе въ необходимости удержать позицію при Саламинѣ, предвидя, что оставленіе ея повлечетъ за собою уничтоженіе морской силы Грековъ, ибо союзники, по всей вѣроятности, не преминули бы воспользоваться отступленіемъ для того, чтобы разойтись по домамъ — одни изъ страха, а другіе по весьма естественному побужденію посильнѣе на защиту родного крова, угрожаемаго нашествіемъ непріятеля.

Разговоръ съ Мнесифиломъ сильно подѣйствовалъ на Themistocles. Не теряя ни минуты, онъ отправляется къ Эврибиаду, спрашиваетъ у него позволенія говорить съ нимъ насчетъ твердости союзниковъ. Это замѣчаніе раскрыло глаза главнокомандующему и заставило его, для тщательнаго обсужденія спорнаго вопроса, созвать вновь военный совѣтъ, который былъ однимъ изъ самыхъ бурныхъ. Въ рѣши, пропнесенной предъ членами собранія, Themistocles, ꙗвляя самолюбіе союзниковъ, весьма благоразумно умолчалъ о главномъ обстоятельстве, послужившемъ поводомъ къ возобновленію совѣщаній, но обратилъ вниманіе присутствующихъ съ одной стороны на стратегическія выгоды позиціи при Саламинѣ¹⁾, гдѣ, при невозможности развернуться въ узкомъ заливѣ многочисленному непріятельскому флоту, Грекамъ гораздо легче было одержать побѣду, чѣмъ сражаясь въ открытомъ морѣ у Исма; а съ другой стороны, указать на гибельныя слѣдствія оставленія этой позиціи, которое повлечетъ за собою не только потерю Мегары, Эгины и Саламина, но и подвергнетъ опасности самый Целопонезъ: ибо по мѣрѣ движенія персидскаго флота и сухопутное войско не замедлитъ послѣдовать за нимъ. Рѣчь эта, не смотря на ея убѣдительность, привела въ сильное негодованіе Целопонезцевъ, смотрѣвшихъ

¹⁾ Во многихъ историческихъ сочиненіяхъ побужденіемъ для Themistocles удержать позицію при Саламинѣ выставляется одна эта причина, и вовсе не упоминается другая, едва-ли не главная, равно какъ и имя Мнесифила, достойное перейти въ потомство. Въ руководствѣ г. Иловайскаго сказано: «Themistocles понималъ всѣ выгоды настоящей позиціи и прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы удержать Грековъ». По нашему мнѣнію слѣдовало бы сказать: «Themistocles, понимая выгоды настоящей позиціи и при этомъ опасаясь, чтобы союзники при отступленіи флота не разошлись по домамъ для защиты собственныхъ семействъ, угрожаемыхъ непріятелемъ, на что, говорятъ, обратилъ вниманіе его Афинянинъ Мнесифиль, прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы удержать Грековъ».

на спорный вопросъ съ эгоистической точки зрѣнія и опасавшихся, чтобы дѣло, которое они считали оконченнымъ, не приняло оборота, несогласнаго съ ихъ видами. Адимантъ, начальникъ Коринской эскадры, въ пылу гнѣва до того забылся, что наговорилъThemistocle дерзостей и даже оспаривалъ у него право голоса на томъ основаніи, что отечество его Аѣины находилось въ рукахъ Персовъ, и слѣдовательно, не принадлежало къ числу государствъ, пользовавшихся политическою независимостію. На эту наглую выходку Themistocle отвѣчалъ съ достоинствомъ представителя державы, въ распоряженіи которой находилось 200 вооруженныхъ кораблей, и которая, владѣя такою силою, могла добыть себѣ любой городъ въ Греціи. Потомъ, обратясь къ Эврибиаду, умолялъ его не отвергать совѣта, клонившагося ко благу всей Эллады. Краснорѣчіе оратора, а еще болѣе угроза, что въ случаѣ, если совѣтъ не измѣнитъ прежняго рѣшенія, Аѣиняне оставятъ союзниковъ и переселятся со своими семействами въ Италію, окончательно расположили въ его пользу Эврибиада и побѣдили упорство Целопонезцевъ. Союзники остались при Саламинѣ.

Такимъ образомъ Themistocle удалось поставить на своемъ, но планъ его едва было не рухнулъ отъ малодушія Целопонезцевъ, встревоженныхъ слухомъ о движеніи къ Иссу сухопутнаго персидскаго войска. Это обстоятельство возбудило несогласія на греческомъ флотѣ, которыя приняли угрожающій характеръ, и заставило Эврибиада созвать новое собраніе, при чемъ большинство высказало рѣшительное намѣреніе не оставаться долѣе при Саламинѣ.

Приближалась критическая минута. Ясно было, что никакая сила не въ состояніи отклонить Целопонезцевъ отъ принятаго ими гибельнаго рѣшенія, и что греческому флоту грозитъ совершенное уничтоженіе. Тогда Themistocle, не видя другаго средства отвратить катастрофу, предусмотрѣнную проницательнымъ Мнесифиломъ, прибѣгаетъ къ слѣдующей хитрости, чтобы заставить союзниковъ вступить въ сраженіе, которое одно могло спасти Грецію. Тайно посылаетъ онъ служителя испытанной вѣрности къ начальникамъ непріятельскаго флота съ порученіемъ сказать имъ, что предводитель Аѣинянъ держитъ сторону царя, и что Персамъ представляется прекрасный случай одержать побѣду, если они немедленно нападутъ на Грековъ и не дадутъ имъ времени привести въ исполненіе замышляемое бѣгство. Полководцы Ксеркса, безъ сомнѣнія, слышавшіе о несогласіяхъ, происходившихъ на греческомъ флотѣ, повѣрили этому извѣстію, и чтобы отрѣзать союзникамъ путь къ бѣгству и запереть ихъ въ Саламинъ.

ской пристани, послали значительный отрядъ войска въ Пситталію небольшой островокъ между Саламинномъ и Аѳинами, а между тѣмъ главныя силы персидскаго флота выстроились въ боевой порядокъ поперекъ залива до самаго Мунихія и такимъ образомъ окружили Грековъ со стороны моря. Все это происходило ночью. Аристидъ, который жилъ въ изгнаніи на островѣ Эгинѣ, и которому неблагодарность его соотечественниковъ не помѣшала явиться къ начальникамъ греческаго флота съ предложеніемъ своихъ услугъ, первый увѣдомилъ союзниковъ объ ихъ безвыходномъ положеніи, говоря, что онъ съ большимъ трудомъ пробрался сквозь густую цѣпь непріятельскихъ кораблей; показанія переметчиковъ скорѣе подтвердили справедливость этого извѣстія. Такимъ образомъ Греки волей и неволей должны были готовиться къ сраженію; оно дѣйствительно началось на другой день схваткой одного греческаго корабля съ непріятельскимъ. Самъ Ксерксъ, съ возвышенія на аттическомъ берегу, наблюдалъ за ходомъ битвы. Войска его, по свидѣтельствѣ Геродота, сорековали другъ другу въ храбрости, истощивъ съ своей стороны всѣ усилія, чтобы заслужить вниманіе царя, бывшаго свидѣтелемъ ихъ подвиговъ, но наконецъ, должны были уступить геройскому мужеству, дисциплинѣ и стойкости Грековъ, предводимыхъ искусными вождемъ, и искали спасенія въ бѣгствѣ. Геродотъ не опредѣляетъ, какъ великъ былъ уронъ съ той и съ другой стороны; по Діодору, Персы лишились при Саламинѣ двухъ сотъ кораблей, союзники же потеряли вѣнцѣро менѣе, и притомъ, значительная часть экипажа, находившагося на судахъ ихъ, разрушенныхъ непріятелемъ, спаслась, благодаря умѣнію плавать. Честь побѣды главнымъ образомъ принадлежала Эгинцамъ и Аѳинянамъ. Коринѳяне также, повидимому не безъ основанія, хвалились заслугами, оказанными ими въ этотъ достопамятный день общему дѣлу Греціи, хотя враги ихъ, Аѳиняне, изъ ненависти къ нимъ распространили молву, будто бы начальникъ Коринѳскаго флота Адимантъ въ самомъ началѣ битвы обратился въ бѣгство, и что только извѣстіе о пораженіи грозной армады заставило его возвратиться назадъ. Въ числѣ отличившихся лично храбростію и распорядительностію, кромѣThemistocles, главнаго виновника успѣха, современники съ особенною похвалою отзывались о Демокритѣ, капитанѣ одного наксосскаго судна, овладѣвшаго въ бою пятью непріятельскими кораблями, Эгинцѣмъ Полякритѣ и Аѳинянахъ Амниѣ (братѣ поэта Эсхила), Евменѣ и наконецъ Ариспидѣ, который довершилъ пораженіе непріятеля, бросившись съ собранными ими оплутамъ на Персовъ, засѣвшихъ въ

Пситтали, для прегражденія Грекамъ пути къ бѣгству, и положилъ на мѣстѣ весь этотъ отрядъ, принадлежавшій къ числу лучшихъ въ арміи Ксеркса.

Не смотря на жестокое пораженіе, у Персовъ все еще оставался сильный флотъ, съ которымъ они могли продолжать войну, не говоря о многочисленной сухопутной арміи, доселѣ испытавшей вообще неважныя потери. А посему весьма естественно, что Греки ожидали возобновленія наступательныхъ дѣйствій со стороны Ксеркса, и предавъ погребенію своихъ убитыхъ, готовились къ новому сраженію, но были избавлены отъ этой необходимости, благодаря малодушію Ксеркса, въ которомъ неудача поколебала прежнюю самонадѣянность, и который, повидимому, не довѣрялъ преданности своихъ моряковъ, состоявшихъ преимущественно изъ покоренныхъ народовъ. Притомъ его тревожила мысль, что Греки могутъ отправиться къ Геллеспонту и разрушеніемъ мостовъ поставить его въ положеніе, подобное тому, какое угрожало Дарію во время Скиаскаго похода. Подъ вліяніемъ этой тревожной мысли, онъ обдумывалъ планъ бѣгства, а между тѣмъ, чтобы обмануть бдительность Грековъ, распустилъ слухъ, будто намѣренъ дать новое сраженіе; но тайные замыслы царя не ускользнули отъ проницательности Мардонія, который, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за несчастный исходъ кампаніи, предпринятой по его совѣту, является къ Ксерксу и закликаетъ его не предаваться горести, говоря, что потеря Саламинскаго сраженія не составляетъ еще большой бѣды, и что онъ обязуется покорить Грецію, если только царь предоставитъ въ его распоряженіе 300.000 отборнаго войска. Ксерксъ, посовѣтовавшись съ Артемизіей и съ своими приближенными, изъявилъ согласіе на это предложеніе, и собираясь самъ возвратиться въ Азію, приказалъ флоту своему какъ можно поспѣшнѣе плыть къ Геллеспонту и оберегать мосты въ ожиданіи его прибытія. Греки съ удивленіемъ и радостію узнали объ отступленіи непріятельской эскадры и бросились преслѣдовать ее, но не могли догнать и остановились у Андроса: ибо планъ нетерпѣливыхъ Аѳинянъ и ихъ славолюбиваго вождя проникнуть въ Геллеспонтъ и разрушеніемъ мостовъ преградить Ксерксу путь въ Азію встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Эврибиада и другихъ пелопонезскихъ военачальниковъ, не безъ основанія опасавшихся послѣдствій пребыванія въ Греціи многочисленной персидской арміи, которую крайность могла побудить къ отчаянному сопротивленію.Themistocles согласился съ этимъ справедливымъ замѣчаніемъ и уговорилъ своихъ соотечественниковъ отказаться

часть слѣд., отд. 2.

отъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятели. Между тѣмъ Ксерксъ, спустя нѣсколько дней послѣ удаленія своего флота, оставилъ Аттику и чрезъ Віотію направилъ путь въ Фессалію, гдѣ сопровождавшій его Мардоній занялся выборомъ войскъ для будущей кампаніи, а потомъ расположился на зимнихъ квартирахъ съ тѣмъ, чтобы по открытіи весны начать наступательныя дѣйствія. Разставшись въ Фессаліи съ Мардоніемъ, Ксерксъ съ остальными силами спѣшилъ къ Геллеспонту и въ 40 дней достигъ пролива, потерявъ на пути множество людей отъ голода и болѣзней. Къ довершенію его горя, мосты, построенные на Геллеспонтѣ, были разрушены бурей. Хотя съ помощію флота онъ и успѣлъ переправить остатки своего войска въ Азію, и хотя по прибытіи въ Абидосъ Персы нашли въ изобиліи жизненные припасы, но этимъ не окончились испытанія злополучной арміи: быстрый переходъ отъ голода къ довольству губительно подѣйствовалъ на здоровье Персовъ, и только весьма немногіе прибыли съ царемъ въ Сарды. Такъ окончился этотъ знаменитый походъ. Въ послѣдствіи, живая фантазія Грековъ, желая разительнѣе выставить контрастъ между началомъ и концомъ его, окружила отступление Персидскаго царя разными подробностями, которыя, не смотря на свой сказочный характеръ, нашли мѣсто въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей-моралистовъ, какъ поучительный примѣръ превратности человѣческаго счастья. Таково между прочимъ извѣстіе, сообщаемое Юстиномъ ¹⁾, будто Ксерксъ, не нашедши моста, разрушеннаго бурей, ночью одинъ, безъ свиты, переправился въ Азію на бѣдной рыбацкѣй лодкѣ.

И теперь, какъ послѣ Мараѳонской битвы, побѣдители прежде всего возблагодарили боговъ, посвятивъ имъ значительную часть добычи, захваченной у непріятели, а потомъ положили въ собраніи на Исѣмѣ раздать награды достойнѣйшимъ изъ среды своей. Къ сожалѣнію, эта патріотическая мысль, при выполненіи ея, встрѣтила препятствіе въ недоброжелательствѣ и зависти греческихъ военачальниковъ, которымъ было поручено сдѣлать выборъ, и изъ которыхъ каждый цѣнилъ собственныя свои заслуги выше заслугъ своихъ товарищей, а посему никто не получилъ требуемаго большинства, и первая награда осталась не присужденною. Только при назначеніи второй награды, большая часть полководцевъ подали голосъ въ пользуThemistocles, признавъ такимъ образомъ, хотя и не вполне, великія заслуги Саламинскаго побѣдителя, для котораго высшею наградою было обществен-

ное мнѣніе, ибо вся Греція очень хорошо знала, что главнымъ виновникомъ успѣха былъThemistokles, и при каждомъ случаѣ свидѣтельствовала ему свое уваженіе. Даже Спартанцы, неохотники награждать, особенно иностранцевъ, сдѣлали Themistoklesу, когда онъ прибылъ въ ихъ городъ, весьма лестный пріемъ, и осыпавъ его дарами, съ величайшими почестями проводили до границы своей области.

Впрочемъ, Саламинская битва мало измѣнила отношенія Xerxes къ прежнимъ его союзникамъ, которые всѣ, за немногими исключеніями, остались вѣрными Персамъ. Только на Халкидскомъ полуостровѣ произошелъ мятежъ. Персидскій вожь Artabazus, прикрывавшій отступление Xerxes къ Геллеспонту, на возвратномъ пути вознамѣрился покорить отпавшіе города, и дѣйствительно, ему удалось овладѣть Олинномъ; но предпріятіе его противъ Potidea окончилось несчастливо, и онъ, простоявъ подъ стѣнами ея три мѣсяца, нашелся вынужденнымъ снять осаду и удалиться въ Thessalia на зимнія квартиры для соединенія съ Mardonius, который между тѣмъ старался привлечь на свою сторону Аѳиняны, и чрезъ посредство Македонскаго царя Александра, сдѣлалъ имъ весьма заманчивыя предложенія. При этомъ случаѣ патриотизмъ Аѳиняны выказался въ полномъ блескѣ. Считая преступленіемъ измѣнить единокровной и единовѣрной Греціи, они дали Александру отвѣтъ, вполне достойный великой націи, и даже не воспользовались вызовомъ Спартанцевъ помочь имъ въ содержаніи семействъ, доведенныхъ до разоренія двухлѣтнею войною, а только просили своихъ союзниковъ объ одномъ — выслать какъ можно скорѣе вспомогательное войско въ Biotia, дабы общими силами отразить общаго непріятеля, который, какъ надобно было ожидать, не замедлитъ открыть наступательныя дѣйствія. Дѣйствительно, Mardonius, узнавъ объ отказѣ Аѳиняны заключить съ нимъ союзъ и гори нетерпѣніемъ наказать гордыхъ республиканцевъ, оставилъ Thessalia и двинулся въ Attica, вопреки предостереженію Оливанцевъ, совѣтовавшихъ ему не вступать въ сраженіе, но стараться посредствомъ подкуповъ пріобрѣсть приверженцевъ въ разныхъ мѣстахъ Греціи, дабы, съ помощію ихъ, поселить несогласіе между союзниками. Если бы Mardonius послушался этого благоразумнаго совѣта, то кампанія его, по всей вѣроятности, увѣнчалась бы успѣхомъ, ибо послѣдствія показали, что не всѣ Греки раздѣляли благородныя чувства, воодушевлявшія Аѳиняны, и что многіе изъ союзниковъ заботились о частныхъ своихъ выгодахъ. Даже Спартанцы, не смотря на

изъявленную ими готовность выслать въ Віотію вспомогательное войско, медлили исполненіемъ обѣщанія, подѣ предлогомъ празднованія гіацинтій, а въ самомъ дѣлѣ потому, что докончивъ въ это время укрѣпленіе Исема, они думали, что могутъ обойдтись и безъ помощи Аѳинянъ. Впрочемъ, двуличная политика лакедемонскаго правительства нисколько не поколебала твердости послѣднихъ, и аѳинскіе граждане рѣшились лучше предать въ жертву мстительности Мардонія свой родной городъ и переселиться съ своими семействами въ Саламинъ, чѣмъ запятнать себя именемъ измѣнниковъ. Они не выдали своихъ союзниковъ даже и тогда, когда персидскій военачальникъ, по занятіи Аѳинъ, сдѣлалъ новую попытку къ сближенію съ ними, обѣщавъ предать забвенію все прошедшее. Миѣніе одного изъ членовъ сената ¹⁾, по имени Ликида, который полагалъ, что предложенія Мардонія не дурны, и что ихъ слѣдовало бы принять въ соображеніе, было встрѣчено всеобщимъ негодованіемъ. Народъ побилъ Ликида камнями. Аѳинскія женщины тоже поднялись и побили камнями жену и дѣтей несчастнаго сенатора, заподозрѣннаго въ измѣнѣ. Между тѣмъ аѳинскіе послы прибыли въ Спарту и горько жаловались на дѣйствія лакедемонскаго правительства, не скрывая отъ него, что при всемъ желаніи защищать независимость Эллады, Аѳиняне, если не получаютъ скорѣ обѣщанной помощи, будутъ принуждены покориться необходимости и принять союзъ, предлагаемый имъ Мардоніемъ. Эфоры хитрили и не давали посламъ рѣшительнаго отвѣта, пока одинъ почтенный Тегеанинъ, по имени Хилей, не вывелъ ихъ изъ заблужденія, объяснивъ лакедемонскому правительству, что укрѣпленія, воздвигнутыя на Исемѣ, не могутъ воспрепятствовать персядскому флоту, при содѣйствіи Аѳинянъ, высадиться въ любомъ мѣстѣ Пелопонеза и опустошить Лаконію. Теперь только Спартанцы опомнились и поспѣшили примириться съ своими союзниками скорымъ исполненіемъ ихъ требованія. Пять тысячъ оплитовъ, въ сопровожденіи 35.000 пловцовъ, за которыми на другой день послѣдовало столько же тяжеловооруженныхъ вонновъ, собранныхъ изъ разныхъ городовъ Лаконіи, получили приказаніе, подѣ начальствомъ Павзанія, немедленно выступить въ походъ.

Мардоній, тайно извѣщенный Аргосцами о движеніи спартанскаго войска и видя безуспѣшность переговоровъ своихъ съ Аѳинянами, выместилъ гнѣвъ свой на послѣднихъ, истребленіемъ всего, что уцѣлѣло отъ перваго разгрома Аѳинъ Ксерксомъ, и потомъ двинулся въ

²⁾ Аѳинское правительство находилось въ это время на Саламинѣ.

Віотію, представлявшую болѣе удобствъ для веденія войны, какъ по мѣстнымъ условіямъ, такъ и потому, что жители ея были самыми усердными сторонниками Персовъ. Позиція, занятая имъ, простиралась вдоль лѣваго берега Азоба, между Платеей и Ериорами, и отчасти была защищена укрѣпленнымъ лагеремъ, а насупротивъ Персовъ, у подошвы Киѳерона, расположилось войско союзныхъ Эллиновъ, которое, по соединеніи съ Спартакцами контингентовъ другихъ государствъ, простиралось до 110.000 человекъ, въ томъ числѣ однихъ тяжеловооруженныхъ воиновъ было болѣе 38.000. Недостатокъ въ водѣ дѣлалъ позицію союзниковъ весьма неудобною, а потому послѣ удачнаго кавалерійскаго дѣла близъ Ериора, гдѣ 300 Аѳинянъ истребили отрядъ отборной персидской конницы, главнокомандующій греческою арміею Павзаній отважился перейти на болѣе ровную мѣстность, примкнувъ лѣвымъ крыломъ къ источнику Гаргафіи. Рѣка Азобъ отдѣляла союзниковъ отъ непріятельскаго лагеря. Въ этомъ положеніи обѣ арміи нѣсколько дней стояли одна противъ другой, ожидая каждая нападенія противника; наконецъ, бездѣйствіе накучило Мардонію, и онъ, не смотря на представленія Артабаза, рѣшился атаковать Грековъ, которые, терпя недостатокъ въ продовольствіи и водѣ, послѣ того какъ персидской конницѣ удалось завалить источникъ Гаргафію и перехватить нѣсколько транспортовъ, шедшихъ къ союзникамъ, почли нужнымъ оставить занимаемую ими позицію и отойти къ острову, образуемому двумя рукавами Эроэ, текущими съ высоты Киѳерона въ равнину. Но прежде чѣмъ окончилось это передвиженіе, Персы ударили на Спартакцевъ и Тегейцевъ, которымъ однимъ пришлось выдерживать всю тяжесть сраженія: ибо болѣшая часть союзныхъ отрядовъ находилась слишкомъ далеко, отступивъ по направленію къ городу Платеѣ, вмѣсто диспозиціи, указанной Павзаніемъ, а Аѳиняне были заняты отраженіемъ другаго отдѣленія персидскаго войска, состоявшаго изъ Грековъ, принявшихъ сторону Ксеркса. Бой длился нѣсколько часовъ съ величайшимъ ожесточеніемъ и безъ рѣшительнаго результата; пока былъ живъ Мардоній, войска его крѣпко держались противъ натиска тяжеловооруженныхъ Грековъ, воодушевляемые примѣромъ своего полководца, носившагося впереди своихъ на бѣлой лошади; но когда палъ Мардоній отъ руки Спартакца Эймнеста, Персы не выдержали, обратили тылъ и бѣжали въ безпорядкѣ въ свой укрѣпленный лагерь, за исключеніемъ находившагося подъ командой Артабаза 40.000 корпуса, который хотя прибылъ къ мѣсту сраженія, но не принималъ участія въ

дѣлѣ и еще до окончанія битвы отступилъ чрезъ Фокиду въ Тессалію, съ тѣмъ чтобъ отсюда пробраться къ Геллеспонту. Между тѣмъ Аѳиняне разбили греческое отдѣленіе персидскаго войска, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны однихъ только Фиванцевъ. Что касается до прочихъ союзниковъ, которые, какъ выше уже сказано, отдѣлялись отъ Спартанцевъ и Аѳинянъ во время передвиженія греческаго войска, то при первомъ извѣстіи о побѣдѣ Павзанія они поспѣшили къ мѣсту сраженія. Но часть ихъ, состоявшая изъ Мегарянъ и Фліазіевъ, дорогою наткнулись на фиванскую конницу, которая положила на мѣстѣ 600 человѣкъ, а остальныхъ отбросила въ ущелья Кноерона.

Взятіемъ укрѣпленнаго лагеря Персовъ, послѣ упорнаго съ ихъ стороны сопротивленія, окончился второй актъ Платейскаго побоища, имѣвшаго слѣдствіемъ совершенное уничтоженіе персидской арміи, хотя и можно усомниться въ точности извѣстія, сообщаемаго Геродотомъ, будто изъ всего многочисленнаго войска, оставшагося въ Греціи съ Мардоніемъ, успѣло спастись менѣе 3.000 человѣкъ, за исключеніемъ корпуса Артабаза. Касательно потери союзниковъ, показанія древнихъ писателей весьма несогласны. Діодоръ опредѣляетъ ее въ 10.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Геродота, на поляхъ Платейскихъ пало: 91 Спартанецъ, 16 Тегеянъ и 52 Аѳинянина, всего 159 человѣкъ. Столь значительная разница только отчасти можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ изчисленіе Геродота вошли, повидимому, одни тяжеловооруженные, и притомъ не включена убыль, понесенная Мегарянами и тѣми изъ союзниковъ, которые участвовали во взятіи съ бою непріятельскаго лагеря. Средину между сими двумя крайностями занимаетъ показаніе Плутарха, опредѣляющаго потерю союзниковъ въ 1.360 человѣкъ. Какъ бы то ни было, Платейская побѣда не только имѣла важныя моральныя послѣдствія, упрочивъ независимость Эллады, но и доставила побѣдителямъ огромныя богатства, захваченныя ими въ непріятельскомъ лагерѣ. Часть этихъ богатствъ была употреблена на приношенія богамъ, и сверхъ того союзники, въ изъявленіе своей признательности, опредѣлили чрезъ каждыя пять лѣтъ праздновать игры, сопровождаемыя благодарственною жертвою, возложивъ эту обязанность, вмѣстѣ съ совершеніемъ ежегодной тризны по убитымъ, на жителей Платен, какъ владѣльцевъ страны, гдѣ совершилось великое дѣло освобожденія. Платейская область была признана нейтральною землею и получила права автономіи, на всегда ограждавшія ея независимость отъ притязаній Фивъ, а

городъ Платея назначенъ мѣстомъ собранія представителей греческихъ государствъ, заключившихъ, по представленію Аристиды, оборонительный союзъ, въ случаѣ новаго нападенія со стороны Персовъ, для чего союзники положили постоянно имѣть на готовѣ 10.000 оплитовъ, 1.000 конницы и 100 вооруженныхъ судовъ.

Отдавъ послѣдній долгъ своимъ товарищамъ, павшимъ на полѣ чести, и раздѣливъ между собою добычу, побѣдители почли обязанностію наказать измѣнниковъ и съ этою цѣлью двинулись противъ Оивъ. Впрочемъ, къ чести ихъ должно замѣтить, что они дѣйствовали не по внушенію безотчетной мести, и строго отличая злонамѣренность отъ заблужденія, обѣщали пощадить городъ, если имъ будутъ выданы главные сообщники персидской партіи. Только по полученіи отказа, Павзаній приказалъ громить городъ и опустошить его окрестности. Наконецъ, Оиванцы нашлись принужденными уступить. Всѣ зачинщики были выданы и получили достойное наказаніе, за исключеніемъ Аттагина, который спасся бѣгствомъ, и дѣтямъ котораго Павзаній не дѣлалъ никакого зла, объявивъ, что они по самому возрасту своему не могли участвовать въ преступныхъ замыслахъ своего отца.

Въ тотъ самый день, когда союзники одержали побѣду при Платеѣ, флотъ ихъ подъ начальствомъ Спартанца Леотихида и Аѣинянина Ксантиппа покрылъ себя новыми лаврами у береговъ Малой Азіи, близъ мыса Микале. Тщетно Персы, не ожидавшіе появленія греческой эскадры въ водахъ Іоніи, спѣшили укрыться подъ защиту сухопутнаго своего войска, оставленнаго Ксерксомъ для охраненія Малой Азіи, и вытащивъ на сушу свои корабли, оградилъ ихъ со стороны моря искусственными укрѣпленіями. Эта преграда не остановила союзниковъ. Ободренные робостію противника, они смѣло ударили на воздвигнутыя имъ укрѣпленія, и не смотря на отчаянное сопротивленіе Персовъ, которымъ, по сознанію Діодора и самого Геродота, много повредила измѣна Іонянъ, успѣли овладѣть какъ этими укрѣпленіями, такъ и находившимся подъ защитою ихъ непріятельскимъ флотомъ. Побѣда, одержанная Греками, хотя обошлась имъ не дешево, была рѣшительна. Большая часть персидской арміи легла въ этой несчастной битвѣ, въ томъ числѣ главнокомандующіе Мардонъ и Тигранъ. Обремененные богатою добычею, побѣдители возвратились въ Самось, гдѣ начальники союзнаго флота имѣли разсужденіе о томъ, какъ устроить на будущее время судьбу Іоніи. Съ одной стороны, они видѣли невозможность, по причинѣ дальняго

разстоянія, защищать своихъ малоазіатскихъ соотечественниковъ, а съ другой—боялись предать ихъ въ жертву мстительности Персовъ. Въ такихъ обстоятельствахъ многіе ухватились за мысль, поданную Пелопонезцами, выгнать изъ торговыхъ городовъ тѣхъ Грековъ, которые помогали Персамъ, и водворить въ ихъ владѣніяхъ Іонянъ. Но это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Аѳинянъ, видѣвшихъ въ уничтоженіи основанныхъ ими колоній посягательство на честь своей метрополіи. Пелопонезцы не настаивали, и ограничившись признаніемъ автономіи жителей острововъ, съ которыми заключенъ былъ союзъ, возвратились домой. Аѳиняне же, на обратномъ пути, вознамѣрились возстановить свое господство на Эракійскомъ Херсонесѣ, и послѣ взятія Сеста, защищаемого сильнымъ персидскимъ гарнизономъ, снова привели этотъ полуостровъ въ зависимость отъ Аѳинской республики.

Блестательный успѣхъ, съ которымъ Греція отстояла свою независимость противъ соединенныхъ силъ почти всего востока, вызываетъ невольное чувство уваженія къ доблестямъ ея защитниковъ. Но съ другой стороны, долгъ безпристрастія не позволяетъ намъ доводить это чувство до восторженнаго энтузіазма по примѣру Плутарха и другихъ писателей, которые не находятъ словъ для того, чтобы достойно восхвалить поведеніе Грековъ въ эту тяжелую годину испытанія; напротивъ того, при изложеніи подробностей войны, основанныхъ на разказѣ почти современнаго писателя, мы имѣли случай замѣтить, что и у союзниковъ команда не всегда находилась въ рукахъ достойныхъ людей, и что раздоры между ними не разъ подвергали величайшей опасности независимость Эллады. А потому нельзя не согласиться съ Гротомъ, что Греція спасеніемъ своимъ обязана сколько мужеству своихъ защитниковъ, столько же, если не болѣе, ошибкамъ Ксеркса, въ ослѣпленіи гордости легкомысленно презрѣннаго благоразумные совѣты, и вообще дурному веденію войны со стороны Персовъ, которымъ, хотя и нельзя отказать въ личной храбрости, но которые далеко отстали отъ своихъ противниковъ по части вооруженія, организаціи военнаго строя и распорядительности начальниковъ. И однако же, не смотря на столь важныя преимущества сравнительно съ непріателемъ, Греки едва-ли бы успѣли отстоять свою независимость, если бы имъ не помогли разныя случайныя обстоятельства, или лучше сказать, не поблагопріятствовала сама судьба, въ открывшейся борьбѣ между востокомъ и западомъ явно державшая сторону послѣдняго. Выше видѣли мы, какая робость обуяла союз-

никовъ въ то время, когда они занимали позицію при Артемизіѣ, въ виду грозной армады Ксеркса, и вотъ для ободренія ихъ является буря, отъ которой Персы потеряли болѣе 400 кораблей, и которая внушаетъ греческимъ военачальникамъ отвагу помѣряться съ неприязельскимъ флотомъ. Не найди планъ Мильтіада поддержки въ полемархѣ Каллимахѣ, котораго голосъ, при раздѣленіи мнѣній между полководцами, составилъ большинство, лѣтописи греческой исторіи не были бы украшены описаніемъ подвиговъ Мараѳонскихъ побѣдителей; равнымъ образомъ, и Саламинская битва, по всей вѣроятности, имѣла бы другой исходъ, если бы Ксерксъ на нѣсколько часовъ отложилъ нападеніе; ибо тогда Пелопонезцы успѣли бы привести въ исполненіе задуманную ими ретираду. Тамъ спасаетъ Грецію случайно поданный лишній голосъ сановника, извѣстнаго въ исторіи по одному только имени, а здѣсь легкомысліе и горячность Ксеркса, безразсудно бросившагося въ сѣти, разставленныя ему проницательнымъThemistocle. Всѣ эти подробности, коихъ число можно было бы увеличить, не должны ли навести насъ на мысль, что само Провидѣніе направляло ходъ борьбы такимъ образомъ, что она должна была окончиться въ пользу Греціи, и въ лицѣ ея, въ пользу всего образованнаго человѣчества, хотя мы и далеки отъ мысли посягать на славу благородныхъ защитниковъ независимости Эллады и отдаемъ полную справедливость великимъ заслугамъThemistocle, Аристиды и Мильтіада, бывшихъ въ этой достопамятной борьбѣ достойными орудіями Промысла къ осуществленію Его благодѣтельныхъ и мудрыхъ цѣлей.

Ординарный профессоръ Харьковскаго университета

А. Рославскій-Петровскій.